

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Евгений
ЩЕПЕТНОВ

МАГ
С ИЗЪЯНОМ

Новый фантастический боевик (Эксмо)

Евгений Щепетнов

Маг с изъяном

«Эксмо»

2015

Щепетнов Е. В.

Маг с изъяном / Е. В. Щепетнов — «Эксмо», 2015 — (Новый фантастический боевик (Эксмо))

ISBN 978-5-699-78752-4

Ты благополучный, сытый, ухоженный... Родители заботятся о тебе все 17 лет твоей жизни. Но наступает момент, когда нужно что-то менять, иначе так и будут про тебя говорить: «А... Это сынок Шауса, бездельник! Никчемный парнишка...» А тебе хочется быть волшебником, исследовать заклинания, писать трактаты по магии, узнавать мир! Ты бежишь, и чудо – ты маг! Только вот... черный колдун! И не просто колдун, а... Но тс-с-с! Все впереди – приключения и длинная, длинная дорога. И чем она закончится – неизвестно...

ISBN 978-5-699-78752-4

© Щепетнов Е. В., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Евгений Щепетнов

Маг с изъяном

В оформлении переплета использована работа художника О. Горбачика

© Щепетнов Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

– Да чтоб тебя! Ай! – Илар прижал руку ко лбу и почувствовал, как она стала мокрой. Острый сучок рассадил ему кожу прямо над правым глазом, едва не лишив зрения, а то и самой жизни.

Как-то раз взбесившийся конь принес в их городок путника, обвисшего в седле. Все вначале думали, что тот пьян, оказалось – напоролся на сучок, и деревяшка вошла через глазницу прямо в мозг, убив вернее, чем стрела лучника. Илар тогда был еще совсем юным, и вид мертвого всадника так его поразил, что он не мог спать несколько дней и матери пришлось вести мальчика к колдунье.

Старуха долго шептала над его головой, ставила на макушку кружку с плавающим в ней разбитым яйцом – яйцо почему-то сворачивалось, будто это была не ледяная вода, а крутой кипяток. Потом творила заклинания, брызгала каким-то дурно пахнущим снадобьем, вызвав у мальчишки острый, жгучий интерес – что же такое она делает? Возможно, это вот колдовство и определило его жизнь на долгие-долгие годы.

Как ни странно, Илар после колдовства успокоился и больше не просыпался посреди ночи с плачем и криками, будоражившими соседей, решивших, что семейка пекарей время от времени истязает своего сына.

Впрочем, учить сына – это право родителей, потому никто ничего им не говорил, тем более что пирожки, булочки и плюшки Шауса, отца Илара, нравились всем. Кроме того, пекарь был большим, нет, огромным и таким могучим, что мог приподнять за колесо телегу, груженную мешками с мукой до самого верха. Мирным нравом он тоже не отличался, потому все лишь ласково улыбались громаде в белом фартуке и колпаке, с сочувствием поглядывая на «несчастливого» Илара.

Глупцы! Все несчастье заключалось в том, что его мать, красавица Лора, после того, как родила Илара, не могла больше иметь детей – так ей сказала колдунья-ведунья, а потому вся любовь этой странной пары обратилась на сына, и он наглухо увяз в родительской заботе.

Странной пара была еще и потому, что слишком разных людей соединило Провидение – красивая, тонколицая, стройная, как тростинка, Лора, обладавшая огромными глазами, иссиня-черной густой копной шелковистых блестящих волос, смуглой, похожей на гладкую бархатистую кожицу плода исур кожей, и Шаус – русоволосый, краснолицый, громадный, буйный, похожий на быка нравом и физиономией.

Как они нашли друг друга – уму непостижимо! Как она, образованная женщина, дочь родовитых дворян, могла выйти замуж за неотесанного болвана, каким, по мнению окружающих, являлся Шаус?!

От Лоры отвернулась вся ее многочисленная родня, по крайней мере, так говорили Шаус и Лора. Их разговор на эту тему как-то подслушал Илар, обладавший способностью передвигаться тихо, как таракан.

Родня матери жила в столице, где Шаус некогда служил в городской страже. Выйти замуж за стражника, деревенского болвана! Что может быть глупее и позорнее?! Все равно что выйти замуж за бродячего пса!

Впрочем, в глаза Шаусу этого никто сказать не смел: он не разбирал, кто перед ним стоит, дворянин или простолюдин, – прибил бы на месте, а потом пошел на плаху. Ну да, убийца лишится башки за свое преступление против родовитого господина, только что с этого несчастному покойнику, которому буян разбил голову?

Шаус уволился из стражи и со своей молодой женой вернулся на родину, в Шересту, городишко в забытой богами провинции Гутасор, окруженный густыми лесами, болотами, озерами и речками.

Через городишко проходил Гутасорский тракт, соединяющий города золотодобытчиков, рудознатцев и плавильщиков на севере империи Зоран со столицей, расположенной в тысяче ирров от Шересты.

По тракту непрерывным потоком шли караваны с черным металлом, медью, оловом, а также с золотом и самоцветными камнями для императорских сокровищниц – со всем тем, что давали северные города. Оружейные мастерские севера давали великолепное оружие, ценимое на юге, – с оружием работали лучшие кузнецы, обладавшие даром магии, укреплявшей сталь.

С юга двигались караваны с тканями, пряностями, всем тем, что не росло и не производилось на холодном севере. А еще – столица исправно поставляла в северную провинцию указы императора и целые экспедиции мытарей, собирающих налоги для бездонной императорской казны.

Мытарей обычно сопровождали отряды тяжеловооруженных латников – северный народ буен, своенравен, и сбор налогов в этом краю – дело нелегкое, опасное, и в прошлом нередко бывало так, что северяне сгоряча откручивали головы сборщикам налогов, не задумываясь о последствиях. Здесь еще не совсем забыли, что Гутасор некогда являлся свободным королевством, пятьсот лет назад вошедшим в состав империи Зоран.

И вошедшим не по своей воле! Руины бывшей столицы королевства Гутасор до сих пор показывают путникам, проезжающим здесь впервые.

Илар не видел этих развалин, но рассказывали, что те впечатляют остатками былой красоты и величием сооружений. Теперь там летает ветер и шумит высокая трава, которая хорошо растет на пепле и костях.

Город уничтожили по приказу императора Ассутира Пятого за то, что посмел противиться его воле и не сдался по первому требованию. После этого императорского деяния последовали сто лет смут, бунтов и восстаний, подавленных с невероятной жестокостью, но затем наступил мир и благоденствие в составе империи, протянувшейся на весь континент – с севера на юг и с востока на запад.

Империя Зоран объединила двадцать королевств, двадцать нынешних провинций, процветавших теперь под железной дланью императора. Росли города, рождались новые люди, жизнь шла своим чередом, и казалось, что так было всегда.

Шаус за время службы в городской страже сумел скопить кругленькую сумму: будучи у воды, и не напиться? Лавочники платили за то, чтобы их защищали, не очень много, но хватало. Да плюс жалованье, да плюс бесплатное питание – трактирщики кормили бесплатно, чтобы стражники вовремя прибегали, когда возбужденные дурным вином горожане начинали громить заведение.

Вот так и хватило бывшему уснару городской стражи Шаусу Истарскому на то, чтобы выкупить у пекаря в своем родном городишке пекарню с домом и со всем, что прилагалось, – складами, погребом, колодцем и небольшим садом на заднем дворе. Пекарь отправлялся в столицу к своим детям, открывшим трактир, потому за ценой не постоял и отдал пекарню за вполне разумные деньги.

Шаус любил готовить – гораздо больше, чем разбивать головы разбойникам или выбрасывать в окно буйных гуляк, и умел готовить, потому его пирожки славились по всему Гутасорскому тракту, и отбоя от клиентов у него не было.

Дом Шауса, он же пекарня, он же лавка, стоял на обочине тракта, и каждый, кто проезжал мимо, покупал изделия Шауса – если, конечно, их уже не разобрали голодные путники.

Илар родился в положенный срок, через год после того, как странная пара прибыла в городишко, обосновавшись здесь навсегда – по крайней мере, так рассчитывал Шаус. Мать Илара, сильно страдавшая во время беременности, разродилась тяжело – едва помогла даже колдунья Шиса, которую вместе с двумя повитухами позвал обезумевший от ужаса Шаус, но все-таки выжила, навсегда потеряв способность иметь детей.

Вот так в семье пекаря и дворянки появился этот парень – мало чем примечательный, кроме своей черной шевелюры да больших и выразительных, как у Лоры, глаз.

Илару следовало родиться девчонкой – так говорили все, кто его видел. Впрочем, и ждали девчонку, даже колдунья-лекарка, когда Лора обращалась к ней за помощью, говорила, что в круглом животе столичной дамочки живет девочка. Даже имя уже выбрали – Илара! Однако боги рассудили по-своему, и родился мальчик, что, впрочем, ничуть не уменьшило счастья родителей.

Увы, в отличие от жизни в семье, в городишке Илару поначалу приходилось несладко. Среди высоченных, плотных в кости, русоволосых детей северян смуглый темноволосый мальчишка, не отличавшийся большой силой, был не то чтобы изгоем, но особым уважением не пользовался. И это понятно, ведь он был сыном столичной дворянки, а значит – потомком тех, кто когда-то в незапамятные времена покорял местные народы.

По большому счету, детям наплевать на дела пятисотлетней давности, но ведь надо за что-то уцепиться «мелким зверькам», для того чтобы был повод поглумиться над тем, кто слабее их, – особенно если тот из хорошей семьи, имеет медяки и даже серебреники на карманные расходы, а его отец не валяется пьяным возле трактира, после того как получит законное жалованье.

Илару нередко доставалось от мальчишек, кулаками устанавливающих иерархию уличной жизни. Впрочем, в конце концов все утряслось – Илар был худым и невысоким, но довольно жилистым, крепким парнем, жаловаться к отцу не бегал, стойко переносил нападки тех, кто желал самоутвердиться за его счет, дрался отчаянно и до изнеможения, а потому был достоин пусть не самого высшего ранга уличного мальчишки, но и не самого низшего. Тем более что Илар обладал острым языком, знал много историй, сказок, исторических баллад и частенько пересказывал их ребятам, собравшимся вокруг него где-нибудь на полянке, подальше от пыльного тракта, мощенного грубым камнем, вдребезги разбивающим самые крепкие колеса караванных повозок.

Так текли годы. Илар рос в тихом семейном гнезде, не зная голода, волнений и больших неприятностей, – если не считать того случая, когда он наткнулся ногой на гвоздь, торчащий из доски, упавшей с возу, и насквозь пропорол ногу: кровь из жилы хлестала на пять шагов, и Шаус бежал с сыном к лекарке через весь город, зажав рану рукой.

Рану залечили, после нее на щиколотке остался незаметный шрам, напоминавший о том, как легко потерять жизнь из-за простой глупости и невнимательности. Если бы рядом не оказалось отца, Илар истек бы кровью и умер за считанные секунды.

Впрочем, этот случай не произвел на Илара никакого впечатления. Крови он не боялся, смерти тоже, а потому осторожнее не стал ни на медяк.

Все свободное время Илар посвящал чтению. Мать обучала его грамоте, обучила письму, игре на далире; всему, что она знала; тому, чему ее научили в столичной школе благородных девиц. Семья дала ей приличное образование, для того чтобы Лора поймала хорошего жениха, женила на себе и вытащила своих родственников из финансовой дыры, в которую те угодили из любви к хорошей одежде, пирам и вообще разгульной жизни, включая ставки на лошадиных и собачьих бегах.

Для этой семейки было настоящим шоком узнать, что их малютку Лору заграбастал какой-то быкообразный стражник! Мамашу – бабушку Илара – с расстройства хватил удар, и она померла, «забыв» рассказать, куда засунула семейные драгоценности, подаренные ей принцем, отцом нынешнего императора, – некогда она была в фаворитках этого любвеобильного монарха.

Впрочем, это ничего не значило; про него поговаривали, что в фаворитках императора перебивали все, от кухарки до ослицы, да и помер он смешно – на толстой косоглазой гувер-

нантке, которую старый развратник поймал у своей постели и завалил на кровать, не обращая внимания на ее пороссячий визг.

Илар узнал это случайно, когда подслушал разговор отца и матери, хихикавших у себя в спальне и забывших прикрыть дверь. Тогда он узнал много интересных подробностей своей примечательной родословной, что, кстати, вызвало у него живой интерес к истории государства, к дворянским родам и ко всему, что с этим связано.

Иногда он даже мечтал о том, что в нем течет королевская кровь. Ну... часть королевской крови – со стороны матери, конечно. Не зря же этот самый принц подарил бабке пропавшие драгоценности? Видимо, было за что...

К пятнадцати годам Илар прекрасно разбирался в этих самых «за что» и «почему» – конечно, улица давно и максимально откровенно разъяснила ему, откуда берутся дети и чем отличаются мужчины и женщины.

Кроме того, в той библиотеке, что привезла с собой его мать, имелись не только женские любовные романы, книги о могучих воинах, исторические трактаты и всякое такое прочее, но и книги по другим интересовавшим людей проблемам. Например, «Сто способов, как умной женщине удержать мужчину в семье – с описаниями и картинками». Некоторые способы оказались настолько вычурными, интересными, сопровождались такими подробными красочными картинками, что Илар, нашедший этот кладезь знаний, пришел в совершеннейший восторг и срочно перепрятал книгу на чердак конюшни, справедливо полагая, что мать, застигнув сына за изучением трактата, может быть очень, очень недовольна таким ранним просвещением отпрыска.

Это сочинение было чем-то средним между кулинарной книгой, медицинским трактатом о строении тела человека и руководством по постельным утехам молодоженов. Последнему занятию, к вящему удовольствию взрослеющего мальчишки, уделялось не менее половины объема увесистого фолианта.

Благородных девиц учили как следует, не пуская дела на самотек; на обложке трактата-учебника красовался штамп учебного заведения, в котором можно было легко рассмотреть название школы. Видимо, Лоре так понравилась эта книга, что девушка «забыла» сдать ее в школьную библиотеку.

К семнадцати годам Илар превратился в красивого молодого парня, образованного, с хорошими манерами – мама старалась! – и абсолютно никчемного в жизни. Илар не умел практически ничего, что могло бы пригодиться в простой жизни провинциального парня. Что с того, что он умел наигрывать на раздолбанном далире, рассказывать сказки и напевать баллады?

Его не научили печь пирожки и булочки – мать была против: «Ребенок надорвется, стоя у печи!»

Работать лесорубом – зачем? У него и так все было. Родители не богачи, но на все хватало и даже оставалось. Мать не работала, лишь ухаживала за отцом, а на него трудились двое пекарей и двое кухонных работников. Готовила кухарка, стирала прачка. Что делать Илару?

Тоска. Вот что снедало его все последние годы. Тоска, а еще ощущение собственной никчемности. Илар был умным парнем и прекрасно понимал, что происходит, но поделать ничего не мог. Пока не мог.

В шестнадцать лет к нему пришла уверенность, что все нужно менять. Все! И пока Илар находится под сенью отцовского дома, он так и будет «черненьким»: «Черненький? Это сын Шауса... да... бездельник! Отец у него деловой... уважаемый мужчина! А этот...».

Все, чем обладал Илар, все, что было на нем надето, все, что он ел-пил, было заработано отцом. Илар понимал, что этим он был чем-то похож на свою мать, Лору, которую вырастили, как породистую кобылу, для того, чтобы повыгоднее продать в богатую семью и взять хорошее приданое. Увы.

Год Илар копил деньги, откладывая их из тех денег, что давала мать, говоря, что их сын не должен выглядеть нищим, – вдруг ему придется пригласить какую-нибудь приличную девушку посидеть с ним в трактире?

Девушки с Иларом сидели, пару раз дошло даже до судорожных соитий на лесной полянке, не вдохновивших его и не особо понравившихся: или девицы были не такие, чтобы вызвать пламенную страсть, описанную в книгах, или он ждал от этих упражнений чего-то большего.

Претенденток, желающих окрутить Илара, хватало, но парень уклонялся от слишком тесных отношений, справедливо полагая, что им нужен не он, а деньги его родителей, считавшихся по здешним меркам весьма зажиточными людьми, можно сказать – богатеями. «Залетит» девица, потом никуда не денешься – женишься как миленький, иначе потащат к судье, обвинят в соблазнении, тогда или женишься и будешь всю жизнь смотреть на эту глупую деревенскую мордашку и слушать ее кудахтанье, или же продадут в рабы лет на десять как насильника и растлителя. Планы Илара были совсем другими – и тот и другой вариант развития событий почему-то не казался ему привлекательным.

Илар копил деньги на то, чтобы уйти из дома и стать хоть кем-то. Кем? Он хотел быть ученым. Ученым, который пишет умные книги и которого знает весь мир, как авторов тех трактатов, что имелись в библиотеке матери. Кстати, эта библиотека – то небольшое, что Лора забрала из отчего дома. Впрочем, там и взять-то было нечего, а приданого ее лишили за строптивость и неравный брак с мужланом из простонародья.

Илар хотел быть ученым магом. Хотел исследовать таинственные древние заклинания, найденные в древних развалинах и подземных пещерах, писать книги по истории магии, жить в столице, ходить в вызолоченной одежде и ловить на себе восхищенные взгляды дворянок, приходящих к нему за приворотным зельем и влюбляющихся в него с первого взгляда.

Жизнь в столице казалась ему такой живой, такой красивой в сравнении с тихим сонным болотом Шересты, в которой никогда ничего не происходило, кроме праздника зимнего Солнцеворота да летнего праздника Середины, в который многие упивались до бесчувствия и валялись в придорожных канавах, как снопы ячменя.

На пути к мечте Илара стояло несколько преград.

Одна – здоровенная, могучая, шумная и краснолицая – отец. Шаус терпеть не мог магов, колдунов и волшебников, считая их дела богопротивными, подлыми; ведь всем известно, что столицу Гутасора разрушили черные маги! «И ты хочешь уподобиться этим подлым тварям?! Не бывать этому! Как только язык повернулся сказать!...»

Вторая преграда – красивая, добрая, нежная, любящая и непробиваемая, как скала! Мама. «Мой сын, потомок древнего дворянского рода – и колдун?! Грязный колдунишка, замешивающий дерьмо и кровь младенца, чтобы испортить жизнь своим ближним?! Не бывать этому!»

Увы, в империи считалось, что магия – не дар богов, а что-то вроде проклятия. И тот, кто умеет колдовать, – проклят навеки! Ну, может, и не совсем так – гадкие вещи про колдунов говорила Илару мама, из книг следовало другое: многие маги были весьма уважаемыми людьми, но, без сомнения, занятия магией не считались в империи чем-то уважаемым и достойным потомков дворянского рода. То ли дело собачьи бега или хорошая попойка с друзьями и подружками! Куча любовников и любовниц, поединки чести, породистые лошади и сверкающие дворцовые балы – мечта каждой дворянки, вошедшей или не вошедшей в возраст деторождения.

Мама Илара соединяла в себе потрясающую мудрость и такую же потрясающую наивность, и что в каждом конкретном случае будет преобладать, Илар никогда не мог угадать. Потому бороться открыто он не мог.

Было и еще одно обстоятельство, которое смущало будущего великого мага, – он не обладал ни малейшей частицей магии. Более того, когда колдунья-лекарка лечила его от ночных страхов, она сетовала на то, что Илар, похоже, обладает способностью к противомгии; все ее заклинания терялись в мальчишке, разрушались, исчезая, как вода исчезает в пересохшем песке, впитываясь со змеиным шипением. Илар с рождения совершенно не был приспособлен к магии! У него не было способностей мага, увы...

Из книг Илар вычитал, что способность к магии можно приобрести – за хорошие деньги. Большие деньги. Откуда он их возьмет, Илар не знал. Заработает! Ведь он умный, образованный, с хорошими манерами. Устроится куда-нибудь на службу, будет копить, накопит – и купит себе первый уровень магии, достаточный, чтобы поступить в школу магии. А потом накопит денег на обучение – и вот он уже счастливый ученик магической школы! А там, глядишь, постепенно, шаг за шагом, натренирует в себе способности для второго уровня, третьего... десятого... двенадцатого – и вот он уже разбирается с древними заклинаниями, пишет трактаты, и... вообще все хорошо.

А как может быть иначе? Илару и в голову не приходило, что может быть как-то по-другому. Например, по дороге он может попасть к охотникам за рабами. Воровать свободных запрещено законом, но кто будет разбираться – свободный человек этот раб, или же он врет, а сам в рабстве за долги, пьянство и преступления? Увезут на юг, туда, куда нужно ехать не меньше полугода, а то и год, и сгинешь в цепях на плантации сахарного тростника. Такие случаи описывались в книгах, но такое ведь может случиться с кем угодно, но только не с Иларом!

Или разбойники нападут, отберут все, что есть, и убьют. Говорили, что по тракту пошаливали шайки проходимцев, не желавших разбогатеть продажей вкусных пирожков. Но ведь Илар неглуп и всегда может юркнуть под куст, спрятавшись от недобрых глаз!

Опять же – можно присоединиться к какому-нибудь каравану. Караванщики, конечно же, без всякого сомнения, обрадуются появлению в своих рядах образованного молодого человека, который на стоянках будет рассказывать им истории и баллады! Так и дойдет до столицы – под охраной, да еще и с питанием!

В общем, третьего дня летнего месяца литара, на рассвете, Илар двинулся в свой долгий путь. За спиной у него висел вещмешок со сменой белья, мылом, носками, папиными пирожками, на поясе – кошель с тридцатью серебряниками, на ногах крепкие неновые разношенные башмаки, на плечах куртка, которую не так просто промочить легкому дождю, – Илар был готов к покорению империи Зоран!..

* * *

Дорожка шла в сторону от тракта – еле заметная; если бы не острый глаз Илара, легко было ее не заметить и пройти мимо. Она заросла деревьями – молодые деревца торчали густо, как если бы кто-то нарочно посеял их, чтобы скрыть эту дорогу.

Нужно было приткнуться на ночлег, и лучший способ избежать неприятностей – уйти шагов на пятьсот в лес, где можно спокойно – почти спокойно – развести костер и прилечь возле него на лежанку из еловых лап. Ночи еще холодные – лето не совсем вступило в свои права, потому без костра сейчас не обойтись.

Хорошо хоть кресало не забрали, скоты... Теперь у него нет ни денег, ни крепкой непромокаемой куртки – только рубаха, штаны, носки, трусы, и только потому, что грабители побрезговали забрать белье, а может, оно просто оказалось им мало.

Голова болела, ей хорошо досталось дубинкой, и сколько Илар пролежал в кустах без сознания, он не знал. И надо же так попасться, и это в первый же день путешествия!

Это были трое молодых мужчин, симпатичных, приятных в общении. Они ехали в столицу на повозке и с удовольствием взяли Илара в свою компанию. Долго расспрашивали о том,

куда он собрался, потом сообщили, что остановятся на обед возле реки, которую только что пересекли по мосту. Отъехали по берегу вверх по течению – благо этот берег реки был голым, без растительности, деревья спилены и срублены, остановили повозку... и больше ничего Илар не запомнил.

Очнулся уже под вечер, в лесу. Рядом валялся выпотрошенный вещмешок, носки, трусы, кресало... и больше ничего. Подонки забрали даже мыло – Илар искренне пожелал, чтобы от этого мыла у них облезла кожа! Рубашка и штаны остались на месте, на башмаки тоже не позарились – они не выглядели очень уж хорошими, растоптанные и потертые. Так что, подводя итоги дня, Илар пришел к выводу, что все не так уж и плохо, отделался малой кровью, ведь могли напрочь разбить глупую башку, могли перерезать горло его же ножом, пока валялся в беспомощности, могли... много чего могли, и фантазия уводила все дальше и дальше по дороге кошмаров и страхов.

Ощупав голову и сморщившись от боли, Илар стал думать, что ему делать дальше. После недолгого размышления решил: в любом случае думать нужно утром, а пока устроиться у костра и попробовать пережить холодную ночь. Утром будет ясно – с позором вернуться домой, с поджатым хвостом, словно нашкодивший щенок, или же каким-то образом попробовать все-таки добраться до столицы.

Каким? Вопрос сложный. Тут еще нужно учесть, что отец точно отправит за ним погоню, хотя Илар как мог попытался скрыть, куда отправлялся. Записка, которую он оставил матери, гласила:

«Мама, папа, я отправляюсь на север, на золотые прииски. Хочу намыть золота и открыть свое дело, доказать, что я могу жить и без вас, что я все-таки что-то значу в этом мире! Не ищите меня, это бесполезно – я все равно домой не вернусь! Я вам напишу письмо, как только устроюсь на месте.

Ваш любящий сын Илар».

Проделав этакое хитроумное жульство, Илар мог рассчитывать на то, что ему дадут спокойно сдохнуть на дороге в незнакомом месте, на неизвестной речке.

К путникам он теперь подходить опасался. Как известно, тот, кто обжегся горячим молоком, в будущем начинает усиленно дуть даже на холодную воду. По крайней мере, так говорили в городке лесорубов и плотников.

Голова Илара соображала сейчас плохо, но все-таки он успел заметить при свете угасающего дня, что с просеки в глубь леса ведет старая дорога, почти незаметная и заросшая. А раз есть дорога, то куда-то она должна привести? Например, к избушке лесников или косарей, а может, к землянке золотоискателей – тут было золото, но не в таких количествах, чтобы его начали усиленно добывать. Здешние россыпи бедны и не стоили труда, затраченного на добычу этих крупинок.

Впрочем, поговаривали, что некоторые удачливые искатели не уходили из этих мест без хорошей добычи. Хотя возможно, что все рассказы о самородках могли быть лишь плодом мечтаний лесорубов, грезящих о лучшей доле, – нашел самородок, и сиди себе в трактире, попивай пиво, а не маши здоровенным топором с рассвета до заката.

Забросив похудевший мешок за плечи, Илар потрусил по теряющейся в сумерках дороге напрямик в лес. Теперь, после встречи с «добрыми людьми», темный, машущий еловыми лапами лес казался Илару гораздо более ласковым и добрым, чем люди, уже показавшие свою злую натуру. Лес пока еще ее не показал...

Через минут пятнадцать бега трусцой, после того, как едва не выколол себе глаз сухим сучком и не сломал обе руки, дважды упав через повалившиеся деревья, искатель приключений выскочил на большую поляну посреди леса.

На ней стоял дом, или скорее избушка – бревенчатая, вросшая в землю, с крохотным окошком, из которого лился зыбкий, дрожащий свет. Было видно, что за окном на подокон-

нике горит свеча, и сквозняк, поддувающий из приоткрытой дощатой двери, колеблет пламя – тусклое, неверное, почти ничего не освещающее вокруг себя.

Илар осторожно подошел к окну, заглянул в него; мутное стекло, засиженное мухами и покрытое грязными потеками, почти не пропускало свет, и рассмотреть что-либо в избушке было совершенно невозможно. Лишь пламя свечи – завораживающее, приковывающее внимание, билось, плясало в каком-то непонятном ритме; хотелось смотреть на него и смотреть, бесконечно, не отрываясь... А еще очень хотелось войти, прикрыть за собой дверь, сесть у очага и вытянуть ноги к пламени, облизывающему трещащие, пускающие слезу-смолу поленья.

Мечта, конечно, – над избушкой не струился дым из очага, и, если бы не огонек свечи, избу можно было бы счесть брошенной много лет назад.

Сколько Илар простоял возле окна – он не знал. К реальности вернула несчастная голова, заболевшая так сильно, что перед глазами завертелись красные круги, а еще – его сильно затошнило.

Илар сдержал позыв и, подождав с минуту, решил – лучше пусть убьют, но он не будет замерзать тут, под окном, как бродячий пес – голодный, холодный и побитый. Надо идти внутрь.

* * *

– Мам, чем это так воняет? – Илар наморщил нос, не открывая глаз, и вдруг заподозрил, что никакой мамы тут нет, дома нет, а еще почувствовал, что лежит на чем-то твердом, все тело у него затекло и еще... ужасно хочется по-маленькому. Так хочется, что еще чуть-чуть, и будет поздно.

Открыл глаза, проморгался и едва не описался – ситуация располагала: прямо перед ним, в пяди от глаз Илара, висел череп, с которого свешивалась седая клочковатая борода. Обтянутый сухой, как пергамент, кожей, он смотрел на Илара засохшими открытыми белесыми глазами, а еще – улыбался ехидной улыбкой, обнажив неожиданно белые и крепкие зубы.

Илар почувствовал, что левую руку что-то сдавливает, будто звериный капкан, с трудом отвел глаза от притягивающего взгляд седобородого черепа и с ужасом обнаружил, что левая рука находится в плену у скелета, вцепившегося в нее со всей силой, на какую способны восставшие мертвецы!

Илару казалось, что прошли долгие минуты с того момента, как, проснувшись, он ощутил неприятный запах, но на самом деле минуло всего секунды три-четыре. Нет, не минуты – вечность!

Парень вскрикнул и, подвывая, стал отползать от скелета, пытаясь освободиться от коварного плена. Сразу освободиться не получилось, скелет дернулся следом за несчастным пленником, что увеличило ужас Илара и подвигло на более активные усилия по возвращению свободы, – он рванулся так, что сухие кости пальцев скелета хрустнули, переломившись, и с перестуком, словно горох, упали на деревянный пол.

Дверь охнула под напором молодого, вскормленного на папиных пирожках тела, отлетела в сторону, и это самое тело, завывая, понеслось в сторону речки, где виднелись кусты, представляющиеся достаточной защитой от оживших скелетов. Мелькала трава, тонкие ветки хлестали по лицу, и опомнился Илар только тогда, когда едва не влетел в речку, сбегаящую по темным камням прозрачной струей, в которой мелькали стайки серебристых рыбок.

Эта струя напомнила Илару о невыполненном желании, он метнулся назад, в кусты, и... через несколько минут облегченно опустился в слегка влажную от утренней росы траву на берегу, глубоко вдыхая напоенный лесными ароматами воздух.

Голова медленно освобождалась от тумана, заполнявшего ее до основания и не дававшего мыслям двигаться легко и приятно, и минут через пятнадцать Илар был в состоянии понять

некоторые вещи, а именно: он каким-то образом оказался на полу в незнакомой избушке, в плену у отвратительного, вонючего скелета, а еще – что он не помнит, как там оказался.

Будучи парнем умным, Илар принял единственно верное решение: сунул голову в воду, справедливо решив, что надо освежиться, смыть с себя грязь, кровь, пот и по возможности – проклятие, если таковое было на него наложено. Всем известно, что текучая вода – верное средство против проклятий. По крайней мере, в городке так говорили.

Поплескавшись в студеной воде, Илар снова уселся на берегу и стал вспоминать – что же вчера с ним было? Память вела его от самого дома до избушки, из которой он сейчас выскочил, и воспоминания обрывались возле окна, за которым мерцала свеча. Далее – темнота, и вот – утреннее пробуждение в объятиях гадкого скелета, при воспоминании о котором парня охватывала нервная дрожь.

Впрочем, дрожь была не только нервной, ему ужасно хотелось есть, он продрог на утреннем ветерке, мокрая голова стыла, ее ломило – удар дубинкой, или чем там его угостили, не прошел даром. Эта же дрожь выбила из него последние остатки одури, разум прояснился, и теперь Илар четко осознал – скелет был не живым, это радовало. Рядом был дом, в котором можно пожить чем-нибудь съестным (возможно, но не обязательно), а еще, если не быть особенно щепетильным, можно украсть у скелета что-нибудь ценное, то, что поможет Илару продолжить путешествие. Деньги, ценные вещи – зачем они мертвецу? Они нужны живым! И единственный живой здесь – это Илар. А значит, все, что найдет, принадлежит ему.

Удовлетворенный безупречными логическими умозаключениями, Илар собрал волю в кулак и побрел к избушке, беспокоясь о том, чтобы кто-нибудь с тракта не успел забрести в уединенный домик и не успел ободрать покойника раньше, чем он.

Илар не был особенно суеверен, хотя и верил в живых мертвецов. Выросший среди грубых и не обладающих особенно развитым воображением лесорубов и золотоискателей, Илар смотрел на жизнь довольно просто – есть труп, владевший при жизни некими ценностями. Они ему не нужны, а нужны хорошему парню, желающему исполнить свою мечту и осчастливить мир своим присутствием. Так чего стесняться? Дело есть дело.

Дверь болталась на ржавых петлях, поскрипывая и будто приглашая войти. Неприятно, конечно. Ощущение такое, будтоходишь в могилу. Но ведь Илар хочет быть волшебником! А волшеббу не творят трусливые и брезгливые люди! Чего только стоят рецепты магических снадобий, о которых Илар прочитал в книгах: «Взять щепотку соли, ушной серы с булавоочную головку, ложку меда, кусочек засушенной жабы-муги, десертную ложку земли со старой могилы и толченую кость от правого указательного пальца повешенного. Все хорошенько перемешать, сбобрив столовой ложкой крови девственницы, добавить столовую ложку крепкого вина тройной перегонки, подогреть до появления серого дыма, сказать заклинание. При удачном колдовстве вы получите средство от облысения. Намазывать на лысину перед сном на полчаса. Результат скажется через неделю употребления. Желательно часть снадобья перед намазыванием принять внутрь, не обращая внимания на неприятный вкус».

Илар помнил, как его перекосило, едва он прочитал рецепт в одной из книг: совать в рот ушную серу, могильную землю и кость повешенного – ффффу-у-у! А жаба! Говорят, на юге лопают этих жаб, только звон стоит, но чтобы уроженец севера сунул в рот эту пакость?! Вырвет, даже сомневаться не надо.

От воспоминаний оторвал ужасный запах тлена, такой густой, что Илар едва не выскочил из домика на свежий воздух. Или запах усилился, пока Илар бегал от скелета, или, скорее всего, его нос прочистился, и запах теперь накрыл Илара с полной силой, проникая в самую душу.

Скелет так и лежал на полу, вытянув высохшую руку к двери, куда ранее бежал пленник, на подоконнике стояла погасшая, оплывшая свеча, противоположную от окна стену занимали полки, заваленные свитками и книгами, бутылками и баночками. На гвоздике, вбитом в стену рядом с полками, чехол – по форме Илар без труда узнал чехол, укрывавший далир; его изгибы,

похожие на обводы женских бедер, не спутаешь ни с чем. Тем более что старенький далир, на котором бренчали мать и он сам, хранился в точно таком же непромокаемом чехле.

Когда Илар собирался в бега, возникла мысль забрать семейную реликвию (мать говорила, что далир подарил ей покойный дедушка, любивший ее больше всех на свете), но он представил, как расстроится мать, лишенная любимого инструмента, и отказался от этой идеи. Хотя она могла дать ему шанс на безбедное существование в дороге до самой столицы, да и там с инструментом можно устроиться вполне прилично – люди любили бродячих и не бродячих музыкантов, скрашивающих их нелегкую, часто лишенную всякой радости жизнь. Спой парочку баллад лесорубам – и ты будешь сыт, пьян и обласкан женщинами.

Илар не раз видел картинку, когда трактирный музыкант сидел пьяненький, со счастливой улыбкой, в объятиях пары сочных девиц: «Меня любят за талант!» – как тот частенько кричал в подпитии.

Подошел к стене, снял чехол с далиром, растянул кожаные пуговицы потертой кожи, обнажив крутой бок инструмента, довольно погладил его лаковую поверхность – удача! Одно только обретение инструмента оправдывает то, что судьба занесла Илара в этот забытый богами уголок!

Снова зачехлив далир, Илар поставил его к стене и продолжил осмотр «наследства», доставшегося ему от неизвестно когда скончавшегося человека, старика, судя по седой бороде.

О том, что старик помер очень давно, свидетельствовало состояние его тела, высохшего до состояния лесного хвороста. Только вот запах почему-то до сих пор не выветрился...

На одной из полок стояли какие-то плоские, пестики, порошки в бутылочках и баночках. На одной наклейке значилось: «Слезы ребенка пяти лет женского пола». На другой: «Кал только что родившегося ребенка мужского пола».

Илар скривился, но с завистью подумал о том, что старик, похоже, был колдуном. Вот дают же боги способности, почему ему не дали?! Обидно... «Толченые зубы сигурра», «Кровь девственницы», «Пот женщины после любовной страсти».

Илар радостно хихикнул, представив себе колдуна, с ложечкой подкрадывающегося к тяжело дышащей женщине и собирающего ее пот. Интересно, как на это реагировал партнер женщины? Вряд ли дедок мог загнать женщину в любовной страсти так, чтобы она употела до струек, способных наполнить этот объемистый пузырек доверху! Впрочем, колдун мог прикупить рабов, чтобы те упражнялись с утра до вечера. Ему польза, а им приятно!

Занятый этими похотливыми мыслями, развеселившийся Илар подошел к полке, на которой лежали пара свитков и небольшая, но толстенная книга в кожаном переплете с блестящими, видимо серебряными, застежками. Выглядела книга довольно дорого, явно была древней и ценной.

Илар с удовольствием взял в руки драгоценный томик – он любил книги, любил запах бумаги, чернил, тисненой кожи... Лет сто назад изобрели способ печатать книги с помощью специальных приспособлений, но все равно те и теперь были довольно дороги. А что говорить о рукописных книгах! Эти ценились буквально на вес золота, и похоже, что найденная книга была из их числа.

На обложке вытиснены какие-то знаки; Илар не знал, что они обозначали, но где-то встречал такие письмена, где-то в книгах о магии.

Осторожно, чтобы не повредить драгоценную книгу, парень взял ее в руки, отстегнул застежку и открыл первую страницу Книги...

И в голову будто стукнули кулаком – мягким, но здоровенным, едва не заколовшим Илара в пол, как гвоздь. За долю секунды в его голове пронеслось все, что было вчера, – он вспомнил!

* * *

Вчера, когда он стоял у окна, ему стало жаль себя, такого несчастного неудачника, к глазам подступили слезы, потом пришел озноб, от которого заклацали зубы. Наконец Илар решительно шагнул к двери, дернул за веревочную петлю, прилаженную вместо ручки, и шагнул в дверной проем, полный самых худших предчувствий.

Они его не обманули. Входя, Илар не пригнулся и самым препаскуднейшим образом врезался больной макушкой в притолоку, отчего едва не потерял сознание и с минуту не мог ничего видеть, шипя от боли. Потому и не разглядел старика, лежащего на топчане возле окна и похожего на грудю вонючего тряпья.

– Ты кто? – Хриплый голос напоминал скрип гвоздя по куску стекла.

Илар вздрогнул, подался назад, потом вспомнил, что, в общем-то, идти ему сейчас некуда, замер на месте, пытаюсь проморгаться и разглядеть источник звука.

– Человек. Илар, – обреченно ответил парень и, с трудом освободившись от одури, стал разглядывать старика – длиннобородого, худого, изможденного и похожего на скелет с чудом сохранившимися живыми глазами.

– Илар? Это чего такое – Илар? – задыхаясь, спросил старик и потом добавил таким же скрежещущим голосом: – Впрочем, плевать, Илар, Калар, Дерьмар или что ты там такое. Ты вовремя, а то я думал, что никогда не подохну. Иди сюда! Сюда, говорю, иди! – Старик кашлянул, в груди у него забулькало, и на минуту в избушке воцарилось молчание. Потом старик снова шевельнулся, мучительно медленно сел на топчане и что-то тихо прошептал себе под нос. После этого Илару ужасно захотелось подойти, обнять старика, пригладить его всклокоченные, вымазанные чем-то липким и вонючим волосы, подать воды, накормить, напоить... и вообще сделать все, что тот попросит.

Илар понимал, что это желание противоестественно, что старик этот ему чужд, даже отвратителен, но ничего не мог с собой поделать – ноги сами несли его к лесному отшельнику, и через несколько секунд он уже стоял перед ним, дрожа от желания услужить.

– Вот так! – удовлетворенно сказал старик, кашлянул в руку и этой липкой рукой уцепился за ладонь Илара, передернувшегося от отвращения. – Стой так и не двигайся. Мой срок вышел, а я все никак не могу умереть. Держи мою руку крепче, ты, олух! Лесоруб, что ли? Не похоже... рука без мозолей, ухоженная. Да какая разница?! Вот ведь привела судьба подыхать в глухом лесу, отдавая Силу какому-то деревенскому увальню. Никогда не думал, что так получится. Но и силы терпеть уже нет. Не понимаешь? Поймешь еще... хе-хе-хе... когда-нибудь ты повторишь мою судьбу. И я был таким же молодым идиотом, мечтающим о славе, могуществе, успехе! И чем закончилось? Что, не мечтаешь о славе? Не ври мне! Я вас, молодых ослов, насквозь вижу! Итак, слушай меня и запоминай! Вон там, на полке – Асмунг, книга заклинаний. Вон там – остатки снадобий. Там мало, но кое-что осталось. Мой гирикор не трогай – похоронишь меня вместе с ним, все равно он тебе ни к чему, свой надо будет делать. Сейчас ты ничего не понимаешь, вспомнишь все, когда откроешь Асмунг, и вспомнишь все до последнего слова! Там тебе будет небольшое руководство, на первой странице. Теперь ты берешь мою Силу – я черный колдун двенадцатого ранга, и ты мой наследник. Хе-хе-хе... когда-нибудь ты пожалеешь, что пришел на свет магической свечи. До-о-олго я тебя ждал. Ни один черный колдун не может умереть, не передав способности преемнику. Живем мы долго, очень долго, но приходит день, когда ты понимаешь – все, пора! Твой день пришел! Вот только умереть, пока не отдашь Силу, ты не можешь. Запоминай, все запоминай. Я, конечно, скотина, что навязываю тебе Силу, да еще и под заклинанием повиновения, но, по большому счету, мне на тебя плевать. Что мне теперь, годами тут гнить, превращаясь в скелет, замечу – живой скелет? Знаешь, как неприятно, когда от тебя отваливаются куски плоти, когда ты воняешь, как

тухлая рыба? Хе-хе-хе... узнаешь. Лет через пятьсот. Или семьсот. Я дотянул до восьмисот лет. Я видел, как поднималась империя, как вырубались глухие леса, как строились дороги. Я был одним из тех, кто разрушил столицу Гутасора, я был молод и богат. И видишь, как все обернулось? И тебе не скажу, как так вышло, – пусть это будет для тебя «приятной неожиданностью». Каждый совершает свои ошибки, каждый сам кузнец своего несчастья. Тем более что тебе будет интересно вляпаться в то же дерьмо, в которое вляпывался я, и вспомнить меня «добрым» словом! Хе-хе-хе... Профессия колдуна совсем не так безопасна, как думают идиоты. Впрочем, в ней есть и свои прелести. Дойдешь до двенадцатого уровня, сможешь охмурять девок заклинанием подчинения, только тогда тебе это уже будет не нужно... хе-хе-хе. Ну что же, мне пора. И тебе пора. Закрой глаза, сосредоточься и повторяй за мной:

Гудран... идигор.... аартн... ааксм.

Шансар... апанг... ганаратар...

Илар все слышал, все понимал, но... его губы сами собой повторяли за стариком слова заклинания, и он не мог противиться, послушный, как кукла на руке кукольника. Заклинание тянулось и тянулось, длинное, странное, и уже через несколько секунд после начала колдовства Илар отчетливо ощутил, как его рука, которую держал старик, вначале онемела, затем по ней побежали мурашки, затем она стала гореть огнем, как если бы ее сунули в кипяток.

Илар застонал, в голове будто что-то взорвалось, и больше он ничего не помнил, поглощенный бархатной, густой тьмой.

Глава 2

«Это что, я теперь колдун?! Волшебник?! О, боги! Вы услышали мои молитвы! О, боги, спасибо!

Стоп! Вы как-то неправильно слышали! Я не просил делать меня черным колдуном, я просил сделать волшебником, чтобы я мог лечить, чтобы мог исследовать заклинания, чтобы...

О, боги – вы охренели! Черный колдун?! Да чтоб у вас небо обрушилось! Чтоб сидеть не на чем было! Ржете небось, да?! Кто там подсуетился? Бог Лукавства, да? Чтоб его разорвало! Твою мать! Мать!.. Мать!.. Мать!..

Кто там сказал: «Бойся своей мечты, она может и сбыться»? Не знаю, кто это сказал... но пошел он куда подальше! Но, вообще-то полный!.. Мама бы сейчас меня заругала за сквернословие... а что делать? Что делать?! Думай, думай, Илар!

Итак, что я знаю о черных колдунах? Что-то такое, что... не могу вспомнить. Что-то лезет в голову, что-то важное, но вспомнить не могу! Да что же такое?! Так, не спеши. Нужно посмотреть, что там на первой странице. Чего мне этот старый козел написал? Он же должен как-то объяснить свои скотские действия? Впрочем, он мне уже объяснил. Ему надо было помереть, а Сила не давала это сделать. Читать!»

Илар снова открыл книгу, захлопнувшуюся, когда на него напал приступ дурноты, и стал всматриваться в ровные строки, написанные очень красивым, слегка устаревшим стилем – буквы с завитушками, красотами, не применяемыми в современном письме.

Разобрать было трудно: в избушке полумрак, хотя из маленького окошка и открытой двери падал свет – его хватало, чтобы рассмотреть содержимое дома, но не хватало, чтобы читать строки, написанные выцветшими, рыжими чернилами на желтоватом пергаменте.

Илар пошел к двери, выскочил на низкое крыльцо, огляделся по сторонам, будто боялся, что кто-то вырвет у него драгоценную книгу, затем уселся на ступени и приступил к чтению.

«Ты, что сейчас читаешь эти строки, – поздравляю! Ты стал волшебником, повелителем темных сил, тем, кого бояться, уважают и чье слово может стать смертью! Знаю, ты не хотел такой судьбы, но у каждого она своя. Теперь твоя жизнь – череда возвышений, падений, удач и неудач. Все зависит от тебя, от того, как ты используешь Силу. Что еще сказать тебе, мой незнакомый преемник? Только одно – ну ты и влип!»

«Твою мать! Аааааа! Скотина! Он еще издевается! Ну, гад! Ничего не объяснил, ничего не рассказал!» Илар даже застонал от разочарования, но прикусил губу и пришел в себя от боли, чуть не прокусив до крови. Опомился и стал выполнять дыхательные упражнения для обретения спокойствия, которым научила его мать, – этим упражнениям благородных девиц обучали в столичной школе.

Минуты две он глубоко вдыхал, положив руки на колени ладонями вверх, потом выругался, махнул на это самое успокоение рукой и стал просматривать книгу.

В первых строках второй страницы Илар обнаружил рецепт изготовления гирикора.

Илар знал, что такое гирикор; у каждого мага имелся медальон, который изготавливался из подручных средств – из металла, из дерева, из кости, материалы могли быть разными, и от материала зависела эффективность гирикора.

Этот медальон, пластинка из некоего материала, заколдовывали специальными заклинаниями, и созданный таким образом гирикор служил магу для концентрации Силы. Без этой штуки маг не мог загрузить в память более двух-трех заклинаний соответствующего уровня. С гирикором, в зависимости от способностей мага и вида амулета, – от десяти и выше.

Илар читал, что особо даровитые колдуны могли загрузить в память до полусотни заклинаний. Кроме того, медальон концентрировал Силу, и волшебник мог качественнее скастовать

заклинание, сделать его более весомым, а эффект от него – максимальным. Гирикор у каждого волшебника был свой, делался под себя и другим волшебникам совершенно бесполезен.

Внимательно просмотрев рецепт, Илар двинулся по книге дальше, туда, где, собственно, и были записаны заклинания. Их оказалось несколько десятков – от заклинаний первого уровня до высших, доступных лишь тем, кто сумел натренировать свой мозг беспрестанными занятиями на протяжении сотен лет.

Илар знал, как делается колдовство; для этого нужно всего лишь внимательно прочитать заклинание, оно впечатывается в мозг волшебника, и после колдун выпускает колдовство наружу – вслух, или мысленно, или шепотом, как угодно. Только вот после выполнения заклинания оно стирается из памяти и нужно заново загружать колдовство в мозг. Неудобно, конечно, но такова природа колдовства, так повелели боги.

Большинство заклинаний давным-давно стали общепринятыми, распространенными, как строительные инструменты или кухонные принадлежности. Сборники этих заклинаний свободно продавались в лавках, торгующих магическими предметами.

Вот только был еще момент – у каждого мага имелись свои заклинания, тайные, сложные, открытые случайно или переданные ему другим магом. Эти заклинания скрывались, в общий доступ не поступали – до определенного момента, конечно. «Все тайное когда-нибудь открывается», – говорила мама Илара, поймав его на очередной шалости.

За особо редкими заклинаниями шла охота. Доходило и до преступлений на почве соперничества, потому каждый старался скрывать ценные заклинания и, если такие встречались в его Асмунге, книге заклинаний, он их не подписывал и не раскрывал, что оно делает, вообще не сообщал, для чего создано это заклинание. И гадай после – что значит этот ряд букв, что он производит? То ли поджигает печку, то ли выводит бородавку, то ли разрушает гору! Вот и тут – ряды заклинаний, известных всем, с подписями и комментариями – явно рукой старика, и штук пятьдесят не подписанных, таинственных, неизвестных, возможно даже опасных.

В результате такой практики терялись десятки и сотни ценнейших заклинаний, которые могли бы служить людям, которые сделали бы их жизнь более удобной, приятной.

Илар читал в книгах об этом распространенном среди магов безобразии и, обдумывая данное обстоятельство, пришел к выводу: такая практика кощунственна, и, если бы он был главным в империи, запретил бы магам поступать подобным образом.

Детский лепет, конечно. Став старше, Илар это прекрасно осознал: кто может запретить магу скрывать от конкурентов ценное заклинание? Маг нашел колдовство, это его жизнь, его деньги, и плевать на всех остальных!

Илар внимательно просмотрел Асмунг, захлопнул его, откинувшись на бревенчатую стену, закрыл глаза, повернув лицо к солнцу, ловя теплые утренние лучи. Солнце встало довольно высоко, и нужно было решать, что делать дальше. Вот только идти никуда не хотелось; сидеть бы так и сидеть, забыв обо всем, особенно о том, что стал черным колдуном.

«Сбылась мечта дурака! Во всех книгах черные колдуны злобные, мстительные твари, которых добрые волшебники побеждают; не без труда, конечно, потому что черные колдуны, все, как на подбор, не только злобные, но еще умелые и могучие. Но все равно их настигает справедливая расплата, ага. Добрый король рубит башку гаду, или славный воин, или добрые волшебники, объединившись, выпускают кишки мерзкому колдуну.

Гад теперь – это я. И кишки будут выпускать мне. За что? Ну как за что... как полагается порядочному черному колдуну, я должен наводить порчу, болезни, всячески пакостить – поджигать копны сена, дома, поднимать мертвецов, чтобы те беспокоили честных граждан, душая их по ночам. Только вот не умею этого делать, увы!

Увы? А что хорошего в том, чтобы наводить порчу? Разве этого я хотел?

Ой-ей... точно пишет мерзкий старикашка – влип я!

Постой, Илар! Чего это ты так разбушевался? Хотел получить способность колдовать – получил! Тут есть свои плюсы! Главное, вспомнить, что еще могут черные колдуны, кроме как пакостить. И что?

Ну-у-у... А! Вспомнил! Может приворожить! Старик вон как меня притянул! Я и пикнуть не смог! Во всех книгах черные колдуны умеют привораживать, наводят чары на мужчин и женщин, любовные чары.

Еще что могут? Да все, кроме лечения. Например, могут якобы заколдовать металл клинка так, чтобы он рубил даже сталь, никогда не тупился. Кузнецы, поговаривают, сродни черным колдунам.

А что, разве белые волшебники этого не умеют? Нет, не умеют. Только черные. И черных очень мало. Кстати, я не задумывался – а почему их так мало, черных?

И правда – почему? Белых – как муравьев в лесу, а о черных я только в книгах читал. И почему же так?

Скрываются! Вот почему. Скорее всего, случись что-то – сразу обвиняют черного колдуна. И что ему остается делать? Только скрывать свои способности. Стоп! А как они узнают, что этот волшебник черный колдун? Вот что-то мелькало в голове... что-то такое... важное. Что? Как можно узнать черного колдуна?

Метка! Вот оно! Черная метка! У него образуется пятно, которое не стереть ничем! Где-то на теле, и это пятно не чувствует боли, если в него воткнуть иглу, имеет черный цвет, будто покрасили краской, размер – с медную монетку! И оно может быть где угодно – под волосами на голове (вот бы хорошо – там!), на руке, на ноге – где угодно, даже... нет, там не надо, боги, не шутите так! Хватит мне глумления!

Надо осмотреть тело!»

Илар вскочил со ступеньки так, будто его кольнули шилом в зад, бросился в избушку, подобрал вещмешок и запихал туда Книгу. Разбираться с заклинаниями можно и потом; сейчас нужно узнать, где у него стоит «демонова печать» – так еще называли эту черную метку.

По преданиям, этой меткой демон Изуил, повелитель Подземного Мира, куда попадают грешники, метил своих адептов, чтобы узнать их на том свете.

Дурь, конечно. Илар не верил в эти рассказы, а то демон без метки своих не узнает! Но поверье есть поверье, никуда не деться. Только теперь не до поверий. Сейчас нужно было узнать, где у него стоит метка.

Когда умывался, не поглядел – вдруг на лице?! Тогда полный!.. Его забьют палками если не в первой попавшейся деревне, то во второй или третьей – точно. Достаточно подохнуть овце одного из крестьян или же охрометь лесорубу, зашибленному стволом дерева. Ведь само собой, не этот увалень виноват, с похмелья подставивший свою волосатую вонючую ножицу под падающее дерево, а колдун, лишивший его разума! Этот колдун днями и ночами караулил несчастного придурка и лелеял мечту совершить свое пакостническое действие!

Илар знал, что логика на жителей деревни, или такого городка, в котором он прожил всю свою жизнь, не действует совершенно. Они, хлопая ресницами, выслушали бы доводы, доказывающие, что колдун тут ни при чем, а потом привязали бы мерзкого колдунишку к столбу посреди рыночной площади, обложили бы хворостом и сожгли, радостно гыгыкая и скача вокруг пламени, как в праздник Солнцеворота.

На добрых провинциальных подданных империи действовала или грубая сила, или... еще более грубая сила. Других доводов они не понимали.

Окинув взглядом убранство избушки, Илар с радостью заметил на полке небольшое зеркальце – вот это подарок! Вот это славно!

Бросился к спасительному зеркалу, заглянул в него и с облегчением выдохнул – чисто! Лицо не имело никаких демоновых отметок! Уши тоже. Руки, до обшлагов рукавов – тоже. Уже хорошо. И где же эта пакость?

Пакость нашлась через несколько минут, когда Илар не выдержал и сбросил с себя всю одежду, пристроив ее на колченогий табурет. Уже потеряв надежду или, вернее, обретя ее – вдруг обошлось?! Вдруг это лишь придумка мерзкого старика-затейника?! И нет никакой метки? – Илар обнаружил проклятое свидетельство своей гадкой колдовской натуры на заднице, на правой ягодице, на самом видном месте.

Черная поблескивающая метка будто подмигивала Илару в зеркальце, и он тихо затосковал, предвкушая, как присядет где-то по нужде, сзади подкрадется соглядатай и в самый интересный момент завопит: «Вот он! Вот он, черный колдун, совершает свое злое колдовство!»

Нужно теперь учиться делать «это» быстро, молниеносно, чтобы ни одна сволочь не заметила принадлежности к гонимому клану черных колдунов. А еще – нельзя показывать зад какой-нибудь девице. А еще...

«Чего я так разволновался? – вдруг подумал Илар, натягивая трусы, штаны и все остальное в нужном порядке. – Черные колдуны совсем даже не запрещены законом. В провинции их не любят, да мало ли кого не любят! Например, мытарей. Бывает, что кишки им выпускают. И что? В столице совсем другое дело. Там люди просвещенные, передовые, выдавшие виды. Они не будут поджигать колдунов на городской площади! Наверное...

В общем – в столицу! Путь – на юг! И вообще – долго я тут задержался, как бы кто и правда не нагрязнул. Нужно обыскать дом, прихватить все ценное, как и собирался, и... в дорогу! Илар, тебя ждут великие дела!»

Вещмешок уже раздулся до приличных размеров, когда Илар все-таки решился подойти к труп старика, так и лежавшего на полу. Острый глаз новоиспеченного колдуна заметил небольшой мешочек-кошель, висевший на поясе покойного, и практичный юноша не мог уйти, не проверив содержимого кошелька. Денег у Илара не было совершенно, а на что покупать еду, которой в избушке не оказалось ни крошки? Тут не до брезгливости – физической и моральной.

Рука осторожно тянется к кошельку, так осторожно, будто скелет сейчас извернется и схватит за нее костлявыми пальцами; ножик, найденный в избушке, поддевает кожаный пояс... щелк! Тонкая тисненная кожа пояса перерезана, и кошель в руках Илара. Сброшены завязки, на которых висит «сокровищница», и... хмм... три серебряника, пять медяков – небогато, надо сказать. Но тоже хлеб – в буквальном смысле слова. На эти деньги можно несколько раз сытно поесть простой еды, типа каши и остатков соуса с хлебом, съесть несколько горячих лепешек со свежим маслом и медом, похлебать супу...

Перед глазами Илара зарябило от картинок с воображаемыми яствами, он судорожно сглотнул, боясь замочить грудь слюной, что переполняла стосковавшийся по пище рот, и желудок громко заурчал, требуя к себе повышенного внимания.

«Вперед! Туда, где обитают лепешки, мясные соусы и овощные похлебки! К светлому будущему черного колдуна! Йо-хо! Вперед, демонские легионы!»

Илар хихикнул, сбежал с крыльца и, не оглядываясь, пошел к своему будущему – великому и светлому, – если, само собой, его не сожгут на костре и не утопят. Или не сожгут, а потом утопят. Или...

Картины расправ и казней так увлекли воображение Илара, что он незаметно для себя дошел до тракта, оказавшегося на удивление пустым, хотя в это время года караваны беспрерывно сновали по дороге туда-сюда, как муравьи в поисках добычи. Вероятно, было обеденное время, когда принято встать возле ручейка, напоить лошадей, сжевать пару лепешек с сушеным мясом, чтобы с новыми силами двинуться дальше, к очередному постоялому двору.

Эти постоялые дворы стояли в сорока иррах друг от друга – как раз дневной переход для обычной лошади, нагруженной не сверх меры. По прикидкам Илара, он сейчас находился в нескольких часах от ближайшего постоялого двора, где и рассчитывал поесть, передохнуть и попробовать заняться изготовлением гирикора.

В качестве этого совершенно необходимого магу приспособления Илар решил использовать один из медяков – не очень-то ценный гирикор, слабоватый, но куда деваться? Что есть, то есть. Самые лучшие гирикоры, как сказано в книгах, получались из клыков сказочных чудовищ вроде драконов или крылатых однорогов. Но Илар сомневался, что он встретит однорога, нападет на него и вырвет рог, чтобы изготовить из него мощный гирикор.

Даже если бы этот однорог встретился Илару, скорее всего, парень бежал бы от него со всей мочи, помня, как в балладах эти однороги расправляются с черными колдунами. У него даже зад зачесался – живо представился витой рог, входящий в свою жертву до самого горла. Развитое воображение не всегда благо.

Первый караван догнал вяло шагающего Илара часа через три, когда тот пыхтел, изнемогая под полуденным солнцем в куртке, любезно предоставленной покойником. Куртка была старой, но крепкой и удивительно теплой – старик явно любил тепло и не пожалел денег на меховую подкладку. Ночью это было бы в самый раз, но теперь, когда солнце било в мир лучами-копьями так, будто старалось спалить все сущее, передвигаться в этой меховой штучке было совершеннейшим мучением. И снять нельзя – тогда в руках тащить, а это тоже противно.

– Эй, с дороги! – рявкнул грубый бас, и замечтавшийся о своей великолепной будущности Илар ойкнул и даже присел под дружный смех дюжих охранников каравана.

Выругал себя, какого демона он так уходит в свои мысли? Этак можно снова получить по башке и следующего раза уже не пережить!

– Не спи, парнишка! – не унимался уса́тый румяный охранник в высоком коническом шлеме и блестящей кольчуге на покаты́х плечах. – Так судьбу свою проспшишь!

– А какая моя судьба? – с интересом осведомился Илар, невольно ухмыляясь в ответ веселому вояке.

– Твоя судьба? – на миг задумался охранник и внезапно просветлел. – Твоя судьба забраться на телегу, достать свой далир и спеть что-нибудь веселенькое, чтобы ехалось приятнее!

– Да я так-то не против, – пожал плечами Илар, – только мне бы лучше пелось, если бы у тебя нашелся кусок лепешки и фляжка с водой! Особенно фляжка – во рту пересохло от жары, я не то что петь, говорить-то могу с трудом.

– Ничего сложного, – не удивился охранник. – Эй, Сигор, дай парнишке фляжку с водой и пирога! Он нам сейчас петь будет, пусть подкрепится!

Охранник, гарцующий на своем коне возле повозки, расстегнул переметную суму на седле, достал пирожок и ловко метнул его Илару, с трудом подхватившему «снаряд». Следом отправилась фляжка, но ей была уготована более трудная судьба – повалиться в горячей дорожной пыли. Впрочем, от того, что она покаталась по нагретой солнцем земле, ее содержимое не стало ни лучше, ни хуже, и через минуту Илар уже с наслаждением глотал куски пирожка с мясом, запивая теплой, восхитительно вкусной водой, разбавленной кислым соком стура. Пирожок исчез в мгновение ока – папин пирожок, эти пирожки Илар узнал бы и с закрытыми глазами, фляжка наполовину опустела, и жизнь стала гораздо привлекательнее.

Илар забрался на передовую повозку, рядом с сонным возчиком, снисходительно покосившимся на непрошеного соседа, скинул надоевший кожушок, затем вещмешок и с легким трепетом вынул инструмент из чехла.

Проверить его состояние Илар так и не успел и боялся, что тот непригоден для игры – или струны надорваны, или тело инструмента треснуто. Но нет, инструмент сиял на солнце красотой настоящего сокровища, струны были высшего качества – серебряные, изготавливаемые где-то на юге (у них дома на далире были обычные, медные), очень дорогие, звенели они великолепно. Рука Илара привычно обхватила гриф инструмента, пальцы тронули серебро струн, и понеслась баллада – вначале тихо, несмело, потом все громче и громче. И вот уже Илар поет почти в полный голос, перебирая струны, весь отдавшись музыке.

Слова просты, как и всегда в балладах, – любовь, разлука, измена и трагедия, радость и горе. Голос Илара несильный, но приятный, с легкой хрипотцой, вибрирующий, проникающий в самую душу.

Мать всегда ему говорила, что если бы он не был сыном уважаемых родителей, то снискал бы себе славу как музыкант – талант у него несомненный. И добавляла: пусть даже не думает о карьере бродячего музыканта! Позор для потомка древнего рода петь и играть за миску жалкой похлебки! Илар с ней согласен не был, но... возражать не осмеливался во избежание слез и долгих мучительных внушений на тему: «Как неблагодарны дети, не слушающиеся своих добрых, мудрых родителей, знающих, что нужно детям, и направляющих их на правильную стезю».

Когда Илар закончил петь, минуты две все молчали, потом стражник уважительно, без улыбки, сказал:

– Парень, да ты большой музыкант! Никогда бы не подумал – такой молоденький! Великолепно! Ты вообще-то куда направляешься?

Илар на миг запнулся, не решаясь сказать правду, потом все-таки ответил:

– В столицу иду. Хочу найти там себе работу. Я, кроме как играть и петь, ничего не умею.

– Но ты умеешь это делать хорошо! – довольно кивнул стражник. – Слушай, у меня предложение. Давай я поговорю с хозяином – он в пятом фургоне едет, в середине каравана, мужик хороший. Может, и позволит тебе ехать с нами? Мы в столицу едем, металл везем. А ты нам по дороге петь будешь – все веселее. Я командир охраны, Биргаз мое имя. Тебя как звать?

– Я И... Иссар, – запнулся Илар. – Иссар меня звать.

– Иссар так Иссар, – усмехнулся стражник, от которого не ускользнула заминка нового знакомого – так что, Иссар, говорить с хозяином?

– Конечно, – счастливо улыбнулся Илар, – если позволит, я буду вам петь на стоянках, могу рассказывать истории; я много знаю: и про создание Мира, и про битвы богов, и про путешествия на драконах героя Идруна, и про однорога, унесшего молодую деву Шессену, славящуюся своим дурным нравом, – я тыщи историй знаю, не пожалеете! Только у меня еды нет. И денег нет. Так вышло...

– Да ладно, – отмахнулся стражник. – Питаться будешь из нашего котла, небось не объеешь. Спать можешь в фургоне, как и все. Можешь подрабатывать, кстати, – в трактирах петь, мы все равно возле трактиров ночевать становимся. Спим только в фургонах, чтобы не обворовали. Шантрапы сейчас всякой столько, что только гляди! Ты, кстати, не ворует? Смотри, не дай боги, попадешься на воровстве...

– Да ты что... – обиделся Илар. – Я потому и остался без денег, что меня обворовали. Сам терпеть не могу воров и грабителей!

– Вот и хорошо. Я сейчас!

Стражник прищепил коня, и тот легкой рысью пошел вдоль каравана, к большому светлому фургону под полотняной крышей. Биргаза не было минут пять, и Илар, честно сказать, сильно волновался – вдруг хозяин каравана откажет! Зачем ему незнакомый парень, нахлебник, подозрительный тип с большой дороги?

Действительно – тут, на тракте, всякой шантрапы хватает.

Однако Биргаз вернулся довольным и с ходу сообщил:

– Хозяин согласен! Иди, подойди к нему, он на тебя посмотрит. Заодно и споешь. Оставь тут барахло, никуда не денется, мы следим. Инструмент только возьми.

Илар кивнул и, ловко спрыгнув с колышущейся на неровностях дороги повозки, погромывающей по булыжникам тракта, пошел к фургону хозяина.

Караванщик оказался добродушным на вид мужчиной лет пятидесяти, слегка полноватым, когда-то обладавшим иссиня-черной шевелюрой, теперь полуседым, бородатым и курносым – типичный представитель расы торговцев, как черви, пронизавших весь материк из конца в конец. Вся его жизнь проходила в дороге, и он не собирался терпеть лишения и страдать от

недостатка комфорта. В его фургоне было все, что нужно для приятного времяпрепровождения – удобные лежанки, плита для разогрева пищи и кипячения воды, куча красивой посуды, а еще – симпатичная молодая жена, приятно улыбавшаяся незнакомцу.

Илар вскочил в фургон, усевшись на скамейку для погонщика, караванщик с интересом посмотрел на него, потом покосился на жену, изогнувшую в хитрой улыбке полные губы:

– Эй, эй, ты чего уставилась на молодого жеребца! Да при живом муже! Как тебя звать, молодое дарование? Иссар? Так? Я Юстан, а это моя похотливая жена Гатруза. Да ладно, не смущайся – шучу! Но на жену не заглядывайся! Не смотри, что я старый и толстый, потому бегаю медленно, все равно догоню, сяду на тебя, ты и помрешь!

Караванщик гулко засмеялся, его жена мило улыбнулась, на вид ей было лет двадцать с небольшим, не более, а Илар покраснел, чем вызвал у караванщика еще больший смех. Отсмеявшись, спросил:

– Ты вправду так хорошо играешь, как сказал Биргаз? Ну-ка, побренчи нам чего-нибудь!

Илар коснулся струн и запел песню про моряка, ушедшего в море и попавшего в плен к разбойникам. Он долго страдал в рабстве, а его любимая ждала, ждала всю жизнь, и, только когда он стал седым и старым, моряка отпустили умирать на родину. И тогда он встретил свою любимую. Девушка так и не вышла замуж, состарилась, ожидая его у околицы деревни, а когда состарившийся на чужбине мужчина пришел, обнял любимую – оба упали мертвыми, их сердца не выдержали и разорвались.

Когда Илар закончил, жена караванщика плакала, вытирая слезы, а ее муж сидел грустный, будто заключил невыгодную сделку и теперь подсчитывает убытки. Он уважительно посмотрел на музыканта и, помотав головой, заявил:

– Это лучшее исполнение баллады, которое я слышал. А я слышал эту балладу раз десять, в разных вариантах. Ты и в самом деле талант! Только спой чего-нибудь веселенькое, знаешь? А то мою любимую вогнал в слезы! Этак у нее голова заболит, и ночью мне откажет! Знаешь песню про птичку с желтым клювом? Давай ее!

– Ну... она неприличная... – Илар смущенно посмотрел на Гатрузу. – Там есть такие куплеты, что при женщине как-то неудобно петь... простите.

– Ишь ты, он еще и воспитанный! – восхитился Юстан. – Давай, давай, пой! Она и не такие словечки знает! Как-нибудь разозлишь ее, так узнаешь такие ругательства, о которых и не подозревал! Видел бы ты, как она поливает руганью грузчиков, недостаточно быстро укладывающих металл в фургоны! У них уши в трубочку сворачиваются!

– Ну... если так... – растерялся Илар. – Тогда ладно.

И запел. О птичке с желтым клювом, которая забралась в окошко к молоденькой девушке, мечтающей о любви. Птичка вдруг превратилась в парня, но то был не простой парень, а бог, ставший человеком. И этот бог вытворял такие вещи, перечисление которых заняло пять куплетов – длинных, довольно монотонных, но смачных.

Вся соль была в том, что девушка потом ничего не помнила о посещении бога и, когда ее живот стал лезть на нос, обвинила в этом мать, раскормившую ее своими вкусными пирогами.

Потом идут перечисления ругательств, которыми мать награждала распутную девицу, и всякое такое прочее. Веселая песня. Она всегда имела успех в трактире, Илар запомнил песню, подслушав у трактирного музыканта.

Впрочем, и большинство песен он запомнил именно в трактире, будто знал, что эти песни ему еще пригодятся. Память у Илара замечательная – что на слова, что на музыку, мелодию он запоминал с первого раза. Да и насчет запоминания текста проблем не было. Натренировался на маминых книгах.

– Недурно, совсем недурно! – воскликнул караванщик, утирая слезы, выступившие от смеха. – Да ты настоящий комедиант! Смотрел на тебя, так и представлял беременную девицу, жалующуюся матери! Ну, уморил!

– Это ты уморил парня, – улыбнулась Гатруза, – глянь, как он смотрит на пирожки. Голодный, да? На-ка, поешь. Музицирование отнимает много сил, как и любовь. Надо хорошо кушать, вон какой худенький! Чего, мама тебя не кормила? Кушай, кушай! Вот возьми. – Женщина налила большую глиняную кружку из кувшина.

Илар почувствовал запах сока и с наслаждением отхлебнул, горло и правда пересохло.

– Вот так... ешь, ешь... – довольно кивнула женщина. – А знаешь песню про Ниобу, страдающую по своему возлюбленному воину? А про мать, потерявшую дитя и разыскивающую его по свету? А...

– Да ну тебя! – фыркнул караванщик. – Бабские сопли! На хрен твои слезы, ныть! Веселое надо! Про Курта-жестянщика, забравшегося к соседке и настигнутого мужем! Знаешь? Ага. И про Шастуна, которого полюбила принцесса и держала его как собачку под кроватью! Тоже знаешь? Ну, молодец! Чувствую, дорога до столицы не будет скучной!

– Не загоняй парня-то, – укоризненно покачала головой Гатруза. – Петь на жаре не очень-то приятно. Пусть отдыхает, а вечером нам споет.

– Еще пару песен, и все! – заулыбался Юстан. – Скучища ведь, дорога! Поел? Давай-ка пару песен забрякай, и тогда иди к себе в фургон. Будешь жить в первом фургоне. На стоянках можешь подрабатывать в трактире – я же понимаю, ты музыкант, это твоя работа. Но и нас не забывай, хорошо?

– Хорошо, – благодарно улыбнулся и кивнул Илар, налаживая далир, – я очень вам благодарен, уважаемый господин!

– Уважаемый господин! Хо-хо-хо! Я же говорю, парень воспитанный! Не из благородных ли, а? Из дома небось сбежал? На поиски приключений? Да ладно, ладно – не спрашиваю, твое дело. Я сам когда-то сбежал от отца, богатого купца. Бродил по свету, пока не понял, какой я дурак, и не принял у него дело.

– А сейчас чего бродишь по свету? – хихикнула жена. – Так и остался дураком? Может, хватит считать придорожные столбы по всей империи? И возраст уже...

– Дура! – рассердился караванщик. – Какой еще возраст?! Ты чего несешь своим поганым женским языком?! Мне пока еще десяток таких, как ты, надо, чтобы мой петушок наконец успокоился и уснул! И язык-то повернулся, глупая баба!

– Жила принцесса розовощекая, длина ее ног восхищала мир! – поспешно заиграл и запел Илар, гася начинающуюся свару.

Караванщик сразу притих, расслабился и только иногда сердито взглядывал на иронически улыбавшуюся жену, не скрывавшую, что не боится крутого нрава мужа. Похоже, что для них такие стычки были не впервой, и Гатруза прекрасно умела ладить со строптивым муженьком.

К постоялому двору караван прибыл под вечер, когда солнце висело еще довольно высоко над линией горизонта. Фургоны медленно втянулись на огромный двор, огороженный забором, выстроились плотным квадратом, возничие распрягли лошадей, переругиваясь – не от злобы, а больше для развлечения; известно, что соленое слово бодрит, не дает заснуть организму, склонному к безделью и праздности. Больше всего ругался караванщик, фургон которого расположился в центре квадрата из десяти фургонов, он виртуозно управлялся с различными описаниями извращенной половой жизни своих подчиненных, на что те похотывали и беззлобно отругивались, уважительно называя караванщика «Мастер».

Илар слушал этот шум и был немного растерян; он, никогда не выезжавший из городка, был, как говорится, не в своем кресле. Суета, беготня, десятки незнакомых лиц, и он, парнишка, никому не нужный и никому не ведомый, до которого никому нет никакого дела. Не по себе...

Потом все потянулись в трактир, оставив вокруг повозок охранников, своими скучными лицами выражающих недовольство судьбой и подозрение в том, что их надули и всегда наду-

вают, не зря же они чаще других стоят в карауле, пока остальные выпивают, жрут и тискают девок. Все эти подозрения были, конечно, полной ерундой, дежурство охранников шло по очереди, установленной начальником охраны, но такова натура служивых, вечно жалующихся на судьбу и ругающих начальство.

Человек сам по себе нытик, говорил отец Илара, и, если над ним нет никого из начальства, он все равно найдет виновного в своих неприятностях – например, богов, желающих именно ему подстроить каверзу, вместо того чтобы искать причину в себе самом.

Тут Илар с ним не был согласен; в чем его вина, если проклятый старик ухватил своей костлявой рукой, приманив колдовством?

В глубине души Илар понимал, что сам виноват – нечего было сбегать из дома и лезть в повозку непонятно к кому, но он подавлял эти предательские мысли, подло пробирающиеся в сознание окольными путями.

Трактир постоянного двора был огромен, Илар в таком никогда не бывал. В городке был постоянный двор, но парень никогда туда не ходил. Горожане обычно сидели в небольшом трактире «Синий топор», сравнительно тихом, местечковом, не представляющем собой ничего особенного, – стойка, столики, отдельные кабинеты для парочек, желающих уединиться. Здесь частенько сидела молодежь и мастеравые – плотники, мебельщики. Золотоискатели и лесорубы предпочитали ходить в другой трактир, такой, как этот, – шумный, большой, суматошный и агрессивный. Подрасться с возничими, с приезжими – что может быть веселее в глухой скуке провинциального городка? Притом человеку-провинциалу кажется, что если он пообщается с проезжающими мимо путешественниками, послушает новости и небылицы, то вроде как приобщится к жизни большого мира и жизнь покажется не такой тусклой и неудавшейся.

Трактир «Сломанная повозка» предоставлял все возможные услуги – от простого сытного угощения до бани и девушек, густой разноцветной стайкой снующих между столиками и нарочито призывно виляющих задками. Задки были на все вкусы – от худенькой, почти мальчишеской попки до необъятной, напоминающей лошадиный круп, задницы.

Илар испытывал брезгливое чувство к этим девушкам и дамам, раскрашенным прихотливо и ярко. Еще с детства отец и мать, отбросив предрассудки, внедрили в его голову мысль о том, что все эти продажные девицы – суть источник заразы и всевозможных неприятностей, от финансовых потерь до смерти, наступающей в результате перерезания горла глупого клиента, уснувшего возле хитрой и жадной девки.

Вообще-то среди продажных девок были вполне миленькие и даже красивые особи, многие – возраста Илара и моложе, но все равно на лицах девушек отражался их образ жизни, скрываемый большим количеством румян и белил. Нет, они не для него, давно решил Илар, и, если уж сильно хочется, вполне можно обойтись и собственными силами...

Несмотря на такие праведные умозаключения, задки девиц все-таки притягивали взгляд парня, и, когда он в компании стражников уселся в углу трактира, положив далик на подоконник широкого окна, Биргаз с усмешкой заметил, глядя на задумчивого Илара:

– Что, нравятся девки? Это хорошо! Главное, что не парни! А то я бы побоялся ночевать с тобой в одном фургоне! Хе-хе-хе... Ты не теряйся, они тут совсем дешевые, вот только игры с ними сродни игре в кости – то ли поймашь удачу, то ли нет. Если что – ищи колдуна-лекаря, и побыстрее. Если хворь привяжется, то можешь и совсем сгнить. Вот как-то раз был у нас возчик Синитор, и подцепил он...

Илар вполуха слушал эпический рассказ о сгнившем возчике и лихорадочно думал, как предложить свои услуги трактирщику, чтобы заработать деньжонок. Очень хотелось переночевать в комнате, помыться, а еще – и это было самым важным – заняться колдовством в уединении. Илар не хотел, чтобы кто-то из его новых знакомых знал, что «музыкант» является колдуном, да еще и черным. Зачем испытывать судьбу? Пока что так хорошо все налаживается, испортить можно очень легко. А не хочется.

– ...и вот, он идет по улице, а все от него шарахаются! Страшен, аж жуть!

– Извини, Биргаз, – перебил Илар, – как думаешь, если обращаюсь к трактирщику, он позволит мне поиграть тут за деньги? И вообще – сколько запросить?

– А ты никогда не играл в трактире? – удивился стражник. – Ну, неважно. Иди к хозяину и спроси его, хочет ли он, чтобы ты сегодня поиграл его гостям, и сколько он тебе за это даст. А еще – деньги тебе будут кидать посетители, я уж позабочусь об этом, не бойсь! Ты только спой, а мы уж тебе поможем, правда, ребята?!

– Правда! – загудели остальные стражники. Их было пятнадцать человек, в фургонах оставили пятерых. Юстан снял себе комнату на втором этаже трактира, но в зале его пока не было.

– А где его найти, хозяина? – растерянно переспросил Илар и тут же спохватился: – У подавальщиц узнать, понял. Постережете инструмент?

– Ты лучше возьми с собой, – посоветовал Биргаз и подмигнул: – Инструмент дорогой, мало ли что случится, сломают или украдут. Потом кого винить? А это ты сам виноват, если что.

Илар кивнул и, взяв чехол с инструментом, повесил его на плечо, ругая себя, – когда он, наконец, научится не очень доверять людям? Вроде и не дурак, а снова хотел шагнуть на те же грабли! Никто не обязан следить за сохранностью его далира, и если с тем что-то случится, чем Илар будет зарабатывать на жизнь? Дерьмо из-под лошадей убирать? Как-то не хочется. А магические способности он пока не проверил, да и обнаруживать их не хочется. По понятным причинам.

– Уважаемая, где мне найти хозяина? – Илар поймал вертлявую девицу, пахнущую луком, когда та пробежала мимо с подносом грязной посуды. Девушка расплылась в улыбке, рассмотрев, что ее держит за пояс очень даже симпатичный большеглазый паренек. Не все же потных мужланов-возчиков обслуживать?! Может, удача пошлет милого паренька? И деньги, и приятно!

– Господин желает что-то особенное? – промурлыкала девица, обнажив зубы, левый верхний резец которых был тронут чернотой гнили, дыхание подавальщицы отдавало запахом дохлого старика-мага. – Может, я вам на что-то сгожусь?

Девка будто невзначай задела Илара худым бедром, и он неосознанно отстранился, будто боясь, что с той перепрыгнет зараза, после которой у него провалится нос, – Биргаз очень уж красочно описал процесс проваливания. Девица заметила, что Илар отреагировал на ее «красоту» как-то не так, и неодобрительно поджала губы.

– Мне нужен хозяин, – терпеливо пояснил Илар, – я музыкант и хотел бы подработать сегодня вечером. Где найти хозяина?

– Музыкант? – с сомнением протянула подавальщица, осмотрев парня с ног до головы. – Что-то молод для музыканта; хозяин в своей половине, вход вон там, за стойкой. Не знаю, позволит ли... у нас есть свой музыкант, посетителей устраивает. А нашему музыканту не понравится, если какой-то залетный молодец будет отнимать его хлеб. Смотри проблем не наживи. Жерес парень крутой, а как выпьет, делается совсем дурной. Впрочем, это твои проблемы, мне плевать. Иди туда, к вышибале, его звать Харстал; скажи, что тебе надо к хозяину, он пропустит.

Подавальщица унеслась дальше, будто ее гнало порывом ветра, а озадаченный Илар уныло потащился к здоровиле с кривым носом, опершемся о стену в дальнем конце зала, возле стойки.

Этот человек, каменное изваяние, изображающее бога земли, никак не был похож на представителя рода людей. Будто высеченное из камня уродливое лицо напоминало о том, что все в мире преходяще, кроме вечных гор, а еще – пьяни, напрашивающейся на то, чтобы ее выкинули из заведения.

– Мне к хозяину, – известил погрузневший Илар, понявший, что не все в мире так просто. С чего это он вдруг решил, что место под солнцем в этом заведении еще не занято?

– Музыкант, да? – догадливо спросил вышибала, расплывшись в улыбке. Это выглядело так, будто булыжник вдруг ожил и раскрылся, каким-то чудом изобразив человеческую улыбку.

– Ага, музыкант, – упавшим голосом подтвердил Илар. – Хочу вот вечер у вас поиграть. Как думаешь, позволит хозяин?

– А почему нет? – не удивился вышибала. – Не ты первый, не ты последний. Надо же немножко обновлять развлечения. Наш Жерес уже зажрался, или, вернее, спился. Одно и то же хреначит, тоска берет. Да и фальшивить стал. А мои нежные уши не выносят фальшивых нот!

Илар ошеломленно посмотрел на то, что вышибала называл ушами, – эти раздавленные лепешки никак нельзя было назвать «нежными». Впечатление такое, будто их специально и целенаправленно плющили молотком для отбивания свиного мяса. Однако Илар воспрянул духом; возможно, все и не так плохо, как думалось? Деньжонок заработает, комнату снимет...

– Пойдем, – кивнул вышибала, – провожу. Хозяин запрещает гостям бродить без сопровождения, особенно в его половине. Ну, это и понятно – шантрапы тут хватает. Это сейчас еще тихо, а вот как солнце сядет, набьются – плюнуть некуда. Нажрут, и давай чудить! Только успевай выкидывать долбанутых придурков! Попозже подтянутся еще двое моих помощников, а то одному и не справиться. Возчики – ребята крутые, пока из них дурь выбьешь – упаришься.

Вышибала толкнул дверь, махнул рукой Илару, и они вместе вошли в коридор, ведущий на половину, где жил хозяин постоянного двора.

Здесь было тихо, дверь оказалась обитой изнутри толстым войлоком и тканью, шум из общей залы сюда почти не долетал. Вязаные ковровые дорожки, на стенах картины, вставленные в рамки.

Илар с интересом рассматривал непонятные цветные пятна, фигуры, какие-то подобию людей, животных, изображенные на холстах. Вышибала заметил интерес парня и с гордостью известил:

– Это хозяин рисует. Говорит, так он видит мир! И что мир совсем другой, не такой, каким его видят остальные люди. Не знаю, может, и так, ему виднее. Хозяин много путешествовал по миру, всякое видал. Говори с ним вежливо, он воспитанный человек, не любит грубости. Может и башку открутить... хе-хе-хе...

На Илара снова навалилась волна сомнений, но отступать было поздно – темная полированная дверь открылась, и они вошли в светлую комнату, освещенную лучами заходящего солнца. Лучи проходили сквозь кисею тонких занавесей, оттого свет был кремово-желтым, как если бы он проходил через прозрачный мед. Пахло чем-то пряным, благовониями, на столике перед вычурным зеркалом курились палочки, источавшие сладкий, слегка удушливый дымок. Совершенно не было запахов кухни – лука и жареного мяса, хоть их и следовало ожидать; через стену работала огромная кухня, способная прокормить сотни людей, охочих до сытной еды и выпивки.

Человек в кресле перед приходом вышибалы с Иларом, видимо, читал книгу и отложил ее, когда вышибала постучал в дверь; перед ним на столике лежал объемистый томик с золочеными застежками.

– Что, Харстал, какие-то проблемы? – спокойно спросил человек, бесстрастно глядя на вошедших. На его жестком лице, «украшенном» шрамом через всю левую щеку от уха до подбородка, не отразилось ни капли волнения. За свои то ли сорок, то ли пятьдесят, а то и шестьдесят лет мужчина видал всякое, и его ничем нельзя было удивить. Он готов и к бою, и к бегству – в зависимости от обстоятельств, и единственное, о чем жалел, – что его оторвали от чтения.

– Нет, хозяин! – расплылся в улыбке вышибала. – Вот, парнишка пришел, говорит, что хочет поиграть в зале, подработать. Как ты к этому относишься?

– Покажи, что умеешь, – мягко попросил мужчина, обращаясь к Илару, и закинул ногу на ногу, расслабившись в кресле. Илар почему-то отметил, что трактирщик обут в мягкие кожаные тапки с длинными загнутыми носами и золотой вышивкой, вероятно, очень дорогие. Впрочем, и так было ясно, что дела в этом трактире шли очень хорошо.

Илар быстро расчехлил инструмент, искал, куда положить чехол, – бросать на пол его не хотелось, не позволяла воспитанная матерью тяга к аккуратности. Дал подержать чехол вышибале и перекинул шнурок инструмента через шею, устроив его на боку.

– Что вам сыграть? – немного растерянно спросил Илар и посмотрел в серые глаза трактирщика, улыбавшегося краем губ.

Мужчина заметил, как парень искал место для чехла, и ему понравилась аккуратность парнишки. А еще тут же отметил, что парень из благородных, не деревенщина – это было ясно по множеству признаков. Например, по ухоженным тонким пальцам с длинными, ровными ногтями, не изуродованными тяжелой работой. По чистым белым зубам, за которыми явно ухаживали с самого рождения. По тонким чертам лица, красивым настолько, что парень мог бы родиться и вполне симпатичной девушкой.

Мужчина действительно многое повидал и был проницательным, умным человеком.

– Что-нибудь по своему выбору, – открыто улыбнулся трактирщик. Ему понравился мальчишка. Когда-то и он был таким – несмелым, неуклюжим мальчиком из хорошей семьи. Жаль, что те годы так далеко позади... Впрочем, он не жалуется. Многие могут ему позавидовать. Вот только никогда больше он не будет таким наивным, добродушным парнем.

Мужчина незаметно вздохнул и приготовился слушать. Он надеялся, что парнишка и в самом деле может музицировать, ему хотелось помочь парню. Приятно осознавать, что ты можешь сделать что-то из прихоти, тем более что прихоть не только тебе ничего не стоит, а даже принесет денег. Хороший музыкант всегда привлекает посетителей. Они идут слушать и обогащают трактирщика, покупая еду и питье. Это закон.

Илар задумался и вдруг заиграл любимую мамину мелодию – песню из спектакля «Любовь и грезы». В ней возлюбленный принцессы Амалии признавался ей в любви, стоя под балконом дворца. Мать частенько наигрывала эту мелодию и любила ее за чистоту и возвышенность нот. Заиграв, Илар запел, и у трактирщика еще выше поднялись брови – парень-то талант!

Допев, Илар сделал еще пару аккордов и остановился. Трактирщик удовлетворенно кивнул и спросил:

– А что-нибудь простонародное знаешь? «Птичку с желтым клювом»?

Илар неожиданно для себя фыркнул, и мужчина удивленно спросил:

– Что смешного в моих словах?

– Извини, господин трактирщик. Просто сегодня я ее спел раз пять, пока ехал в караване. Она нравится караванщику! Под конец меня просто тошнило от этой бредятины!

Трактирщик усмехнулся и кивнул:

– Понимаю. Но куда денешься? Народ любит такое, с позволения сказать, музицирование. Впрочем, в ней есть забавные куплеты, ты не находишь?

– Соглашусь... но после пятого повторения они почему-то уже не кажутся забавными, – ухмыльнулся Илар. – Господин, я знаю все трактирные песни, веселые, грустные – всякие. Не сомневайтесь.

– Не сомневаюсь, – снова кивнул мужчина. – И какую же плату ты хочешь за свою работу? Много я платить тебе не могу – смысла нет. Завтра ты уедешь, и, честно скажу, переводить на тебя лишние деньги глупо. Но и не заплатить справедливо не в моих привычках. Итак?

– Я бы хотел комнату на ночь, отдельную, на одного. Ванну с горячей водой. Поесть вечером и утром. Ну и то, что накидают мне посетители. Вас так устроит?

– Ну-у... номер для молодоженов я тебе не предложу, но комнатку с кроватью, ванну – это сделаем. Поесть – вообще проблем нет. Харстал, позаботься о парне, распорядись. Скажи – я велел. Что-то еще? – спросил мужчина, глядя на то, как Илар мнется, не сходя с места.

– До которого часа мне играть? И еще... у вас тут есть музыкант... говорят, человек необузданный. Нельзя ли, чтобы Харстал проследил...

– За тем, чтобы Жерес не разбил тебе голову? – рассмеялся мужчина. – Сделаем. Харстал, последи, чтобы наш пьяница не открутил парню красивую голову. А играть нужно будет примерно до двух часов после полуночи. Дольше мы не позволяем – народ должен отдыхать. В это время они уже ничего не заказывают, нажираются, и толку от посетителей никакого, только шум и драка. Так что после этого времени можешь спокойно идти отдыхать в свою комнату. И еще: время от времени будет играть Жерес – все-таки он постоянный музыкант, и я не могу лишиться его всей прибыли. Хотя в последнее время он меня и раздражает. Может, ты согласишься его заменить? Я бы выгнал этого пьянчугу и принял тебя. Заверяю, ты здесь не останешься без денег. Проходимость заведения очень неплоха, и на деньги гости не скупятся.

– Я не могу тебя обманывать, господин, – виновато прищурился Илар, – я еду в столицу... остаться не могу.

– Покорять столицу? Ну-ну... – уголком рта усмехнулся мужчина, – понимаю. Сам такой был... пока не понял, что покой дороже. Ладно, шагай, работай. Работа начнется, как сядет солнце, тогда все и собираются. Пока что покорми его, Харстал... в этом возрасте всегда хочется есть. Я пока еще помню... – Глаза мужчины слегка затуманились, как будто он заглянул в далекое, очень далекое прошлое.

Глава 3

Илар с облегчением опустил в короткую ванну, стоящую посреди номера, и закрыл глаза, чувствуя, как под ласковыми касаниями горячей воды напряжение его отпускает. Нелегко труд музыканта, очень нелегко. Горло немного саднило, пальцы горели – пришлось им потрудиться сегодняшним вечером. Но приятно. Приятно, когда тебя ценят не за то, что ты сын Шауса-пекаря, а за то, что ты хорошо делаешь свое дело. Тридцать серебряников и сотня медяков! Эдак можно жить!

Здесь музыкант смотрел таким голодным взглядом, что казалось – сейчас встанет и воткнет двузубую мясную вилку прямо в глаз Илару. После того как Илар исполнил первую песню, народ не хотел больше никого, кроме него, Жерес попробовал что-то спеть, но его освистали и кто-то даже кинул в музыканта огрызком пирога. Обидно, да. Илару стало немного жаль Жереса, но... свой карман дороже. Сегодня был не его, Жереса, день...

Вода медленно остывала, Илар намылился, смыл с себя пену, снова намылился, полил на себя из ковшика, черпнув воду из кадки рядом с ванной, и с сожалением вылез, осторожно шлепая мокрыми ногами. Не хватало еще грохнуться и разбить себе голову. Вытерся рубашкой. Изогнувшись дугой, снова с неудовольствием осмотрел черную метку на ягодице. Потом взял свое пропотевшее белье и прополоскал в мыльной воде, усмехаясь, теперь заботиться о нем некому. Нет прачки, нет кухарки.

Впрочем – особой проблемы нет. Много ли ему надо? Желудок набить да чистое белье надеть, рубашу, штаны. Пока что особых неудобств Илар не испытал.

Прошел к столу, на котором грудкой лежали заработанные деньги – две кучки, одна побольше, другая поменьше. Подумал: надо обменять медяки на серебро, не таскаться же с такой кучей? Неудобно. И стражников каравана надо будет угостить с заработка; как только Илар заканчивал петь песню, они яростно вопили: «Накидаем музыканту денег! Дашь денег музыканту!» – и сыпались монетки. Без них, возможно, он столько бы не заработал. Да и просто из чувства благодарности – за все надо платить, так учил его отец. Долг превыше всего. Парни подобрали его, накормили, напоили, помогли, он тоже должен им помочь. Мир держится на добрых делах... так говорил отец. Впрочем, он мог и ошибаться.

Выбрал медную монетку, посмотрел на нее и положил назад – чего мелочиться? Можно позволить себе и серебряную! Заработал! Серебро гораздо лучше для гирикор. Сел на табурет, поставил локти на стол и задумался. Представился труп старика, которого Илар бросил в избушке, даже не похоронив. А тот ведь что-то говорил про похороны... надеялся на Илара.

«Ну – говорил! И что? Кто его просил делать меня черным колдуном?! Я просил приманивать меня?!»

Не по себе как-то... вроде как совершил подлость. Все равно следовало похоронить старикашку, даже если он и был зловредным колдуном. Испугался? Наверное... Прикасаюсь в высохшему трупу, опять же – копать яму, когда так хочется есть...

Вот почему! Жрать хотел! Потому скорее и сбежал! Все-таки я гадина.

А что – хорошее начало для жизни черного мага, хорошее. Первую пакость сделал. Ладно, хватит упиваться своей гадостью и чернотой, делом надо заняться и проверить, что я могу.

Итак, берем монетку... надо начертить на ней крест, чтобы потом не перепутать с обычными монетами. А на цепочку потом повешу. Не знаю только – можно ли будет в ней проверить дырку, вдруг гирикор испортится? Впрочем, потом можно сделать оправу, и повесить на веревочку. Или на цепочку. Будет висеть на груди, как положено. Ювелиру скажу, что монетка дорога как память, как первый заработанный серебряник, и что он у меня амулет на удачу. Поверит, нормально!

Итак... берем немного крови... надо нож прокалить на огне, как бы лихорадку не занести. Нож-то старика, вдруг там зараза какая! Ага... вот так. Ай! Больно... Мажем монетку кровью... так... ну, погнались!»

Илар начал вчитываться в заклинание изготовления гирикора, положив книгу рядом с масляным фонарем. Слова впечатывались в мозг, Илар с удовольствием читал незнакомые слова, испытывая при этом почти физическое удовольствие. В занятиях магией были свои приятные моменты...

Наконец волшба прочно улеглась в голове молодого мага, и, не откладывая на потом, он начал выпускать волшебство в мир. Странные, хлесткие слова вылетали в пространство одно за другим. Илар еще не умел выстреливать заклинание целиком, оно выходило из него медленно, туго, мозг как будто не хотел расставаться с волшебными словами.

Но вот длинное, нудное заклинание покинуло Илара и впилось в монету, политую кровью мага. Теперь оставалось только лишь взять монету в руки, и волшба будет завершена.

Илар осторожно протянул руку к гирику, на секунду остановился, не решаясь взять его пальцами, потом резко опустил руку вниз и накрыл монету ладонью.

В воздухе что-то щелкнуло и запахло, будто после грозы. Защищало, кожа горела, как если бы Илар прикоснулся к раскаленному металлу. Стало ужасно больно, и он едва не убрал руку, огромным усилием воли заставив себя держать ладонь на месте.

Нужно было держать не менее пяти секунд, об этом говорилось в сноске. Выдержал дольше, убрал руку тогда, когда из глаз от боли выступили слезы.

Боль сразу прекратилась, на ладони не осталось и следа от «ожога». Монета так и лежала на столе, только стала темной, почти черной, будто много лет пролежала в болоте. Илар находил старые монетки, выглядели те именно так – черные, не позволяющие даже разглядеть металл, из которого они сделаны.

Илар с опаской и надеждой смотрел на монету, ставшую магическим инструментом, и не решался снова ее коснуться. Потом потрогал пальцем, готовый отдернуть руку, как только припечет, – нет, все в порядке.

Вздыхнул, взял монетку, ставшую гириком, сжал кулак, прислушиваясь к ощущениям. Почему-то ему казалось – сейчас должно что-то произойти. Ну не гром и молния, но что-то... магическое, что ли, такое, что он сразу ощутит – да, волшебство работает! Но нет, все было тихо, благопристойно. Постоялый двор спал, и только за окном слышалась пьяная песня, в которой Илар без труда узнал «Желтый клювик», который сегодняшним вечером ему пришлось пропеть десять раз. Расходились последние посетители трактира, улица погружалась в предрассветную тьму и покой.

Поколебавшись, Илар решил продолжить свои исследования, хотя у него уже слипались глаза и было совсем не до колдовства. Открыв книгу, выбрал первое попавшееся заклинание – вроде это было заклинание от злых собак – и загрузил в память. Раз! Заклинание от вшей – два! Заклинание усиления голоса – три! Заклинание напускания озноба – четыре! Зажечь свечу – пять! Потушить свечу – шесть! Вскипятить воду – семь! Остудить воду – восемь!

Влезло двадцать три заклинания. Двадцать четвертое уже не хотело лезть – огненные буквы не вспыхивали перед глазами, и, как только взгляд скользил в сторону, заклинание тут же испарялось из памяти, бесследно, словно и не читал его секунду назад. Все понятно. Его нынешняя память, даже с помощью гирикора, не позволяет загрузить более двадцати трех заклинаний. Но и так хорошо! Даже с гириком многие волшебники не могут загрузить более десятка заклинаний! По крайней мере, так следовало из книг.

Илар довольно хмыкнул и решил проверить, как действуют заклинания. Свечи у него не было, вшей тоже, а вот подогреть воду... почему бы и нет?

В этот раз заклинание вышло уже быстрее, всего за полминуты. В комнате почему-то запахло цветами, а потом – похолодало, как будто ударил мороз. Илар запрыгал на месте, обхва-

тив себя руками; он так и расхаживал голышом, все равно сейчас хотел ложиться спать. Подскочил к штанам, нацепил на себя, нацепил рубашку, накинул куртку – ухх... хорошо!

И только потом сообразил – какого демона стало так холодно, если он кипятил воду в ванне?! Наоборот, сейчас должно было потеплеть!

Бросился к заколдованному объекту и... оторопел, не веря своим глазам, – вода в ванне превратилась в лед! Она замерзла, выпучившись из сосуда мутной мыльной глыбой, и слегка потрескивала, распускаясь в тепле гостиницы.

Илар закрыл глаза, помотал головой, снова поднял веки – нет, глыба льда вместо воды никуда не делась, глаза не обманывают. Тогда маг потыкал в лед указательным пальцем. Палец онемел – глыба была очень, очень холодной, такой холодной, какой лед в природе и не бывает!

Илар отошел к табурету, сонливость как рукой сняло. Минут пять тупо смотрел на сотворенное чудо и размышлял о том, как все непросто в этом мире и какие сволочи эти боги, сотворившие ТАКОЕ. Или старик сволочь – заклинание, которое должно кипятить воду, ее замораживало, хотя четко было сказано: «После того, как ты задействуешь это заклинание, будь осторожен, берегись, не ошпарься брызгами кипятка!»

Да какие там брызги?! Какой кипяток?! Он что, измывается? Ну что же, тогда нужно действовать от противного. Если заклинание, которое кипятит воду, ее замораживает, то замораживающее должно кипятить!

Илар нашел в памяти замораживающее заклинание и выпустил его в мир, целясь в ванну. Если следовать извращенной логике старикашки, колдовство должно было вскипятить воду, то есть сделать прямо противоположное тому, что сказано в комментариях к заклинанию.

То, что произошло после активирования замораживающего заклинания, Илара просто потрясло и едва не стоило ему жизни. Если не жизни, то здоровья точно – поломка пары ребер, а то и костей ног. Ванна, мирно стоящая на своих медных ножках, вдруг присела, как зверь перед прыжком, и скакнула в сторону Илара, зарывав, как собака. Только быстрая реакция спасла мага от повреждений, он вскочил на кровать, и обезумевшая ванна снесла табурет, где колдун только что сидел. Потом начала биться о край кровати, повизгивая и царапая пол причудливо изогнутыми медными ножками.

Илар стоял на кровати, прижавшись спиной к стене, покрытой небольшим ковром, тупо смотрел на визжащую ванну, добирающуюся до его молодого тела, и думал о том, что никогда не бывает все хорошо и правильно. Ну вот скажите на милость, с какой стати заклинание для замораживания на самом деле оказалось заклинанием одушевления? И еще: с какого рожна он смог активировать заклинание высокого уровня, хотя является не то что подмастерьем – самым что ни на есть презираемым, жалким новичком низшего уровня?

Ванна злобно подпрыгивала, и, если бы не мощные перекрытия, на которых держался пол второго этажа гостиницы, весь этаж сотрясался бы, как от землетрясения. Впрочем, и так, того и гляди, в дверь постучат работники гостиницы осведомиться у постояльца: с какой стати он, идиот проклятый, затеял посреди ночи пляски и прыжки?

Нужно было что-то делать! И новоиспеченный маг сделал то, что единственно мог сделать: поочередно применил все заклинания, которые знал. Точнее, те, которые еще не применил, – двадцать одно заклинание.

Вначале пошло заклинание избавления от вшей – оно окрасило лед в ванне в зеленый цвет.

Потом заклинание озноба – в ванне ничего не изменилось, но повизгивать она стала в ритме песни «Моряки Унборна».

Зажечь свечу! Ванна начала кружиться на месте и напевать «Птичку с желтым клювом», отчего Илар пришел в ярость и попытался пнуть вредную емкость, свесив ногу с кровати. Это чуть не лишило его ноги, потому что ванна перестала петь и атаковала ногу, стараясь прижать ее к дереву кровати.

Отпрыгнув назад, похолодевший Илар стал лихорадочно соображать, чем же заглушить злобную одушевленную тварь, которая, как собака, кидалась на своего благодетеля. И тут его осенило! Заклинание от злых собак!

Илар выпустил искомое заклинание, в глубине души сомневаясь, что оно даст какой-то эффект. Вернее, что даст нужный эффект. Вообще, в нынешних обстоятельствах было неясно, как подействует какое-либо заклинание, – выпускаешь заклинание от блох, а вдруг вместо искоренения кусачих гадов оно раскроет портал и вызовет демонов из иного мира?

Вопреки ожиданию, ванна вдруг вздрогнула, пару раз подпрыгнула на месте, громыхнув всеми четырьмя ножками, потом припала к полу, согнув передние ноги, и тихо завизжала, как собака, извиняющаяся за свое преступное деяние. Илар перевел дух, осторожно спустил ногу с кровати и поболтал ею в воздухе – нет, нападения не последовало. Ванна осторожно подошла к ноге, «понюхала» ее, потерлась передней стенкой и встала рядом с кроватью, издавая звуки, похожие на сопение.

Илар осмелел, спустился с кровати, встав над ванной, уперев руки в бока, посмотрел на медное «существо» и нерешительно скомандовал:

– В угол! Туда! Иди в угол! Туда иди! Быстро!

Ванна послушалась: топоча, побежала в противоположный угол комнаты и встала там, нетерпеливо перебирая ножками.

– Стой там и не выходи! – продолжал командовать Илар и, убедившись, что команда исполнена, сел на край кровати, схватившись руками за голову.

На удивление, несмотря на топот одушевленного корыта, никто не пришел проверить, что тут делает Илар, и появилась надежда на то, что все обойдется. Вопрос только в том, сколько действует заклинание – час, два, пять часов? Да кто знает... только не Илар, это точно. И теперь оставалось рассчитывать лишь на удачу – если до утра действие заклинания одушевления прекратится, все пройдет тихо. Если нет... об этом Илар думать не хотел. Пойдет пешком – что еще поделаешь? Вряд ли караванщик отправится в путешествие с черным колдуном.

Решив на сегодня закончить с заклинаниями, Илар захлопнул книгу, уложил ее в вещмешок, сбросил куртку, штаны, рубаху и с разгону, слегка дрожа от холода и возбуждения, запрыгнул в кровать и юркнул под одеяло. Фонарь гасить не стал. Илару хотелось света, жутковато оставаться в темноте наедине с ванной, скребущейся где-то в углу. Илар искоса следил за этим «существом» – вдруг подкрадется, вдруг что-то сделает?

«Вот это я влип! Проклятый старикашка... С чего это у меня получается непонятно что? Ну почему, почему выходит такая ерунда?! Ведь так вначале все чинно, обыкновенно, по правилам – заклинание запоминается, потом выстреливается, но... получается невесть что?!

Ладно, давай подумаем. Итак, насколько я помню, волшебство связано с сутью человека, с его способностью управлять Силой. Для этого мозг каким-то образом, с помощью заклинаний, управляет процессами. И вот эти самые процессы у меня нарушены! Те заклинания, которые у других колдунов вызывают определенные действия, у меня совершают совсем другое, отличное от того, что следует ожидать! Почему?

Давай рассуждать: главное тут мозг. Когда старикашка запустил в меня Силу, та перестроила мой мозг под себя. И вот тут-то вся закавыка! Мозг перестроился не так, как надо!

И чем я отличаюсь от других людей? Это вопрос. А если... Точно. Понял! Перед тем как старик начал запускать в меня Силу, мне разбили башку! Вот! У меня был поврежден мозг! И Сила перестроила раненный после удара дубиной по макушке мозг. То-то меня тошнило, то-то у меня такая шишка была! Возможно, череп треснул. Эти гады, похоже, хотели меня убить, да не вышло. Спасибо, папа, за крепкий череп. И мама. Если бы не толщина черепа, гнил бы я сейчас там, на берегу речки. Ели бы меня черви и мухи.... брррр...»

Илар закрыл глаза, на него снова навалился сон, и от объятий бога сна не смогли уберечь даже поскребывания и повизгивания мятежной ванны, булькающей зеленой жижей, получившейся от тающего в ней льда.

Через минуту незадачливый волшебник уже спал, страдальчески скривив физиономию и дергая веками, когда ему снились сны.

А снился ему худой высохший старик, который грозил в его сторону кулаком, снился однорог, гнавшийся за ним по лесной тропе и норовивший загнать рог в зад колдуну до самого основания.

А позже приснилась живая ванна: Илар сидел в ней обнаженный, с обнаженной женой караванщика. Женщина обнимала парня за плечи, ванна неслась по улице городка лесорубов, а сзади с криками и руганью бежал сам Юстан, держа в руке здоровенную дубинку. Следом толпа охранников, которые кричали: «Ты нас обманул, проклятый колдун! Повесить его за...»

Та часть тела, за которую его хотели повесить, еще очень пригодится жене караванщика и самому Илару – он это знал точно, потому маг поторапливал ванну, требуя бежать во весь опор, и нахлестывал ее плеткой-треххвосткой. Ванна неслась, как скаковая лошадь, но на повороте не удержалась и на всем скаку с грохотом врезалась в забор, окружающий постоянный двор. Илар вывалился из ванны прямо на караванщицу, и тут его настиг Биргаз, заноса над ним дубинку с криком: «А-а-а! Илар! А-а-а!»

Илар, проснувшись, чуть не закричал от ужаса. Секунды три не мог сообразить, где находится и откуда идет голос Биргаза, потом сообразил – из-за двери!

– Иссар, вставай! Э-э-а-ай! Караван через полчаса отправляется! Надо еще позавтракать!

– Иду! – крикнул Илар, вскочил с кровати, радуясь, что это был сон. И тут увидел в углу ванну, вспомнив все, что происходило ночью. С замиранием в сердце он заглянул в ванну – лед почти растаял, но цвет вода так и не сменила – зеленая, как море.

Ванна уже не подавала признаков жизни – одушевление, слава богам, прошло.

Илар схватил вещи, натянул их на себя, сгреб монеты, так и лежавшие на столе, сложил в объемистый кошель старика, покрепче привязал к поясу, накинул на плечи вещмешок и далир, отодвинул засов двери и вышел в коридор.

Его немного волновало, как отреагирует прислуга, увидев в ванне зеленую воду, но решил – будь что будет. Может, у него прихоть такая – подкрашивать воду специальной краской? Кому какое дело? Может, это такая соль для ванны – мать иногда применяла ароматические соли, подкрашивающие воду в разные цвета. Отец говорил, что любит, когда от нее пахнет цветами. Вот, может, и он, Илар, такой избалованный парень!

Спустившись вниз, в зал трактира, Илар поздоровался со своими новыми товарищами, нашел место с краю стола, схватил кусок лепешки, намазал его маслом и стал есть, запивая налитым из кувшина горячим фруктовым отваром. В разговоры он не вступал.

Есть не хотелось, но мама всегда говорила, что завтрак для здоровья важнее всей еды. Хочешь быть здоровым и веселым – ешь утром, а вот ужин есть не стоит, если не хочешь потолстеть и заболеть. Впрочем, Илар ее не особенно-то и слушал, наедаясь в любое время суток, и при этом не толстел совершенно – на зависть матери.

Через полчаса Илар уже сидел в фургоне, опершись на стенку, и дремал, покачиваясь в такт колебаниям повозки. Спать хотелось ужасно – ночью удалось поспать всего часа два или чуть больше, потому бог сна так и не отпустил юного мага из своих объятий.

* * *

– И что? В лесу ночуем?

– Нет. Хозяин не любит ночевать в лесу. Так-то на дороге спокойно; видел, патрули стражи ездят? Вот! Но все равно не стоит рисковать. Хоть и охрана у каравана приличная,

хозяин на охрану никогда не скупится. До заката успеем! Вон за ту горку заедем, видишь, на горизонте? А там уже и постоянный двор. Отдохнем, а ты поработаешь. Я смотрю, у тебя хорошо получается! Монет нормально собрал. Если бы каждый раз не тратил на комнату, больше бы подкопил. В столице молодому парню деньги нужны, столица деньги любит. Одеться, обуться, опять же – комнату снять. У тебя есть в столице родня? Знакомые?

– Хмм... нет. Нет!

Илар соврал – родня-то у него была, но вот захочет ли эта самая родня его принять за своего? Вряд ли. Да и не нужно, на кой демон ему эти люди, которые легко отказались от матери, когда та не оправдала их надежд? Дяди, тети, двоюродные братья и сестры – как они приняли бы провинциального паренька, зарабатывающего на жизнь пением и брэнчанием на далире?

Бродячие музыканты, комедианты, кукольники и всяческие жонглеры с акробатами всегда считались людьми последнего сорта, чуть выше проституток и рабов. Да еще крестьян.

– А чем собираешься в столице заниматься? Что будешь делать? Играть в трактирах?

– Почему бы и нет? – слегка ошетинился Илар. – А чем плохо?

– Да нет... я не хотел тебя обидеть, – улыбнулся Биргаз и вытер лоб тыльной стороной ладони, – ничего плохого в этом нет! И деньги ты неплохие получаешь. Вчера вон, если меня глаза не обманули, тебе золотой кинули? Ладно, ладно – не темни, кинули! Я видал! Кстати, ты поаккуратнее с деньгами, береги. Ты бы лучше сдал их под расписку Юстану, за небольшой процент, он бы хранил у себя в кассе, а у тебя голова бы не болела. А то украдут или потеряешь.

– А много берет? – Илар наморщил лоб, натужно соображая, как лучше сделать. У него никогда не было в кармане больше пары серебряников, потому все эти денежные дела явились для него откровением – хлопоты, возня и... тяжесть. Мешочки с медью весили совсем не мало. Да и кошель с серебром уже оттягивали руки и пояс.

– Процент возьмет, конечно, – за хлопоты. И можешь у него же обменять серебро и медь на золото. Он занимается обменом, тоже за процент. И объем меньше будет. Сам смотри: за двадцать серебряников – одна монета! Положил, и не думай о тяжелом мешке. А сколько медяков? Серебренник – двадцать медяков. На золотой придется четыреста медяков! Представляешь, сколько места освободится? Оставь себе на мелкие расходы серебра и меди, остальное в золотишко. А как приедем в столицу, заберешь у хозяина. Кстати, не беспокойся насчет честности, отдаст. Хозяин никогда не обманывает с деньгами, это все знают. Тем более что у тебя же будет расписка, а это, считай, как деньги. Кстати, давно хотел тебе сказать. – Биргаз приглушил голос и заговорщицки подмигнул: – Ты умный парень, как оказалось! Угощаешь ребят, не скупись. Понимаешь, какая штука... ребята хорошие, да, но... зависть. Слышал про такой порок? Ты молодой, можно сказать, юный, а зарабатываешь столько, сколько им и не снилось. Лучше отдать часть – тебе это дорого не встанет, зато ты спокоен, что тебя не обворуют... ну, почти спокоен. Доверять на сто процентов никому нельзя. Мне – можно!

Биргаз радостно засмеялся, посерьезнел и нахмурил лоб:

– О чем мы с тобой начали говорить? А! О столице! Так вот, лучше не по трактирам играть, собирать медяки с заплеванного пола, а пристроиться к какому-нибудь важному господину, лучше всего при дворе. Будешь исполнять им песни за обедом или ужином, деньги получишь гораздо бóльшие, чем от пения в трактирах, постоянное жилье, стол и все такое прочее. Если станешь придворным музыкантом, вообще хлопот иметь не будешь, жизнь, как в золотой вазе!

– Чего ты там ему в уши вдуваешь? – закричал возчик, взбираясь на облучок и забирая из рук Илара вожжи. – Лучше быть свободным, сам по себе, чем прислуживать господам! Захотел – играешь, не захотел – не играешь! А там – хошь не хошь, а придется петь!

– Облегчился? – ехидно осведомился Биргаз. – Или дерьмо все еще на мозг тебе давит, не дает соображать? При дворе будет постоянство, сытная жизнь! А ты вот что получил, мотаясь с хозяином по всему свету? Много ли заработал? И разве ему ты не служишь, господину?

– Ты дурак, Биргаз! – лениво сказал возчик и сплюнул, всем своим видом выражая презрение. – Плечи надул мясом, ляжки как у быка, а соображения нет и медяка! Я получаю за работу и лишнего делать не буду! А если не устроит этот хозяин, уйду к другому! Но я не прислуживаю ему! А при дворе – там надо хозяевам зад лизать! Это не по мне! А если парнишке это нравится, пусть идет. Меня вот нынешняя работа устраивает. Я вижу мир, новых людей, могу снять шляху, если захочу, могу выпить, а дома жена – ззззз... ззззз... ззззз... Какие дома шляхи, какое вино, она мне всю макушку прогрызет своим нытьем! Тут я свободен!

– Слышал, Иссар? И этот человек что-то советует по жизни! Ему жена жить не дает, и он сбежал на волю! Трус! Что ты понимаешь в дворцовой жизни, болван?! Ты хоть раз бывал ближе чем в ста шагах от дворца императора, деревенщина? Еще что-то советует! Тьфу!

– Как будто ты бывал! Сидел рядом с императором на троне, да? Брехло!

– Сидеть не сидел, а во дворце бывал, – спокойно парировал Биргаз, – так что, если не знаешь, не трепи языком. Я в дворцовой охране работал и знаю все наверняка.

– И чего же ты уволился оттуда, если там все так сладко? – недоверчиво переспросил возчик. – И зачем шатаешься по свету, протирая зад о седло? Что-то не верится!

– В жизни есть много такого, в чем не разберутся и мудрецы, а уж такой болван, как ты, точно не разберется, – туманно пояснил охранник. – Не твое дело, почему я уволился. Были причины.

– А я слышал что-то такое, – послышался голос позади, и, посмотрев вправо, Илар увидел одного из стражников, незаметно подъехавшего сбоку, – это не ты ли тот уснар, в которого влюбилась наперсница принцессы Аугиры, девица Есенна? Та-а-акой скандал был! Уснара с треском вышибли со службы, а девицу – бывшую девицу – с раздутым пузом отправили в провинцию, рожать. Интересно, как это тебе башку не отрубили? Как это ты отделался всего-то лишением званий, денежными вычетами плюс изгнание? За меньшие прегрешения гноили в темнице до конца жизни! Это же надо – соблазнить троюродную сестру принцессы!

– Принцесса вступилась. Вернее, Есенна, потом и принцесса. Если бы не они... – Биргаз угрюмо задумался и тяжело вздохнул, – с тех пор не видел мою любимую. Где-то у меня сын растет... или дочь. А может, и в живых ее нет, моей Есенны... ничего не знаю. Ребенку сейчас должно быть уже года два.

– И ты так и не пробовал увидеть свою любимую? – с интересом переспросил Илар, которого история Биргаза очень заинтересовала. – Можно же было поехать за ней, попробовать выкрасть, убежать с ней и жить где-нибудь в провинции припеваючи! Почему так не сделал?

– А малец-то дело говорит, – усмехнулся возчик, – что, духу не хватило? Тоже мне любовь... значит, и не любил никогда! Вранье одно!

– Не трогай грязными руками... – Голос Биргаза был сдавленным, а глаза метали молнии. Возчик даже испугался и слегка отодвинулся от разъяренного охранника. Но тот быстро успокоился, взял себя в руки и грустно выдохнул: – Нельзя. Это может угрожать ее жизни. И жизни моего брата. И родителей. Мне сказали, что если я не отстану от Есенны, то мои пострадают. И я верю – мне грозили люди очень, очень серьезные. Да и куда я убегу? Что я умею делать? Драться. Воевать. Больше ничего. Разве я могу обеспечить ей ту жизнь, которую она заслуживает? Есенна королевской крови, ее родители очень богатые люди... и заносчивые. Для них простолюдины – как животные. Ты, Иссар, скоро встретишь много таких дворян, которые считают простолюдинов животными. Столица переполнена ими, как выгребная яма дерьмом. Но если вести себя правильно, соблюдать определенные условия, то и тебе может перепасть кое-что от их щедрот. – Биргаз помолчал, закусил губу, потом пожал плечами: – А впрочем, смотри сам. Может, Зерхель и прав, тут свободнее, хотя не так выгодно и чисто. При

дворе только и смотри, чтобы не сказать лишнего или чтобы, наоборот, вовремя сказать то, что нужно. Интриги, скандалы, разврат и зависть – столица, средоточие зла. И денег. Все деньги со всей империи стекаются именно туда, и, если сумеешь подставить ладони под этот полноводный поток монет, можно кое-что и поймать. Люди приходят в столицу голые, босые – и наживают себе дворцы, выезды лучших лошадей. Как? Это каждый решает для себя сам. Одно скажу – чтобы выбиться наверх, нужны хитрость, ум и... умение примиряться со своей совестью. Если совесть слишком раздута – успеха не жди. Совестьливых столица не любит. Она их пожирает, как голодный дракон!

– Ну, ты и расписал, – усмехнулся второй стражник, – напугал небось парня. Не переживай, музыкант, все не так плохо! Это командира жизнь немного пожевала, а вот отойдет немного, успокоится и снова ринется на штурм столицы! И любимую свою найдет, уверен! Или я не знаю своего начальника?!

– Заткнись, Димар, – беззлобно усмехнулся Биргаз, – ничего уже не хочу. Ни славы, ни почестей, ни светской жизни. Честно – уехал бы со своей любимой подальше и забыл бы обо всем на свете, кроме своей семьи. Если бы это только было возможно...

– Все в наших руках, – неожиданно для себя заявил Илар. – Если сидеть на одном месте, плакать и стенать: «Ничего не получится, все равно ничего не выйдет», – оно и не выйдет. Боги любят смелых!

– Хмм... а ты шустрый парень. – Биргаз внимательно посмотрел на Илара и покачал головой. – Далеко пойдешь. Когда станешь важной персоной в империи, найди и мне местечко возле себя, хорошо?

– Хорошо, – серьезно кивнул Илар, – я не забываю друзей.

– Хе-хе-хе! Важная персона! Я сейчас упаду! – Возчик радостно рассмеялся, с привизгом, брызгая слюнями и фырча, ему вторил охранник, но Биргаз серьезно кивнул и на секунду прикрыл глаза в знак согласия.

– Эй, хозяин зовет музыканта! – крикнули сзади, и Биргаз подмигнул Илару:

– Вот! Иди, как раз и деньги поменяешь. Смотри не свались под колесо, с грузом-то!

– Да... – с неопределенной ноткой протянул возчик, – хорошо парень заработал. И за что? Сиди себе бренчи да вопи в такт бренчанию – а дураки тебе деньги кидают! Ну чем не жизнь! Я умел бы играть, тоже бы зарабатывал! Работка для лентяев! Дурацкие песенки выкрикивать! И за что только такие деньги платят?!

– Болван завистливый, – сплюнул Биргаз, – ты еще научись играть и петь! Да так, как этот парень! Боги не всем дают это умение, далеко не всем! Это дар богов – веселить людей, трогать их души! А ты что умеешь? Поводья дергать? Баб за зады щупать? Беспольный ты человек, что навоз из-под лошади! Нет, навоз на огород можно накидать, урожай будет хороший, а ты так вообще бесполезен этому миру!

– Это почему я бесполезен? – обиделся возчик. – Да я...

Илар не стал дослушивать переругивание спутников, упражнявшихся в остроумии с утра до вечера, осторожно спрыгнул с повозки и побрел в середину каравана, где обитал Юстан. Биргаз тронул верную струну в душе Илара, тот уже подумывал о том, как бы не потерять заработанные деньги. За две недели, что они ехали по тракту, Илар заработал кругленькую сумму.

* * *

Общение с хозяином каравана заняло два часа; вначале Илар поменял деньги, взял расписку, облегченно вздохнув, – мешок с деньгами ощутимо оттягивал руки, потом пел Юстану и его жене, которая беспокоила Илара больше всего в этом путешествии.

Женщина все время поглядывала на Илара так, будто тот был не человеком, а куском вкусного мяса, а она – тигрицей, голодавшей уже неделю. Илар боялся даже взглянуть в ее сторону, будто она обладала способностью заколдовывать.

Трижды, когда он отдыхал в своей комнате после трудного рабочего вечера, Илар слышал, как кто-то осторожно стучал в его дверь. Илар не открывал, он каким-то чутьем сразу понял – это Гатруза. Зачем пришла? Ясно зачем. Вот только планы Илара не совпадали с планами этой любвеобильной женщины. Не дайте боги, об интрижке узнает Юстан! Караванщик человек крутой и точно не оставит предательство без возмездия. Возможно, что свою неверную жену он и простит, ведь любит же, но какого-то приبلудного музыкантишку просто разотрет, как плевков на булыжнике тракта.

Не сказать, чтобы Илару не хотелось обладать женщиной, тем более когда перед глазами вертится невероятное количество особей женского пола различного размера и статей, но шлюхами он брезговал, а на приличных девушек времени не было. Да и где ее взять, приличную? Какая приличная девушка пойдет в трактир, чтобы выпивать с возчиками и охранниками? Это просто смешно.

Илар уже подозревал, что ему все-таки придется перешагнуть через свои убеждения и воспользоваться услугами какой-нибудь из девиц почище.

Во-первых, очень уж хочется женщину, просто невтерпеж, – ему всего семнадцать лет, кровь-то играет!

А еще – спутники Илара уже поглядывали на него как-то странно: симпатичный мальчик, женщинами не интересуется, уж не извращенец ли он?

Вообще-то за мужеложество в империи не преследовали, но и не приветствовали подобные развлечения; те, кто был у власти, старались скрывать свои наклонности, если хотели сделать карьеру. Считалось, что такое поведение – от влияния демонов, а те, кто склонен считать людей одного с ними пола объектами вожделения, если поддадутся позыву, в конце концов окажутся в Подземном Мире, где Главный Демон будет забивать им в зад раскаленный стальной стержень.

Впрочем, как и всегда, был способ избежать наказания, раздав жрецам основных храмов богатые дары, с тем чтобы жрецы молились своим покровителям и просили забрать нарушителя нравственности после его смерти на небо, в свои чертоги.

Все имеет свою цену, так считали в империи, и века, через которые плыл корабль-государство, иногда цепляясь за мели и рифы, но успешно продвигаясь вперед по житейскому морю, лишь утверждали подданных в этом убеждении.

Все имеет свою цену... убийство, предательство, подлость, нравственность и похоть. Плати – и ты будешь недосыгаем ни для закона, ни для гнева богов. В это верили многие, очень многие, и жизнь подтверждала правильность этого вывода.

Вернувшись из фургона Юстана в свой, Илар облегченно вздохнул, открыл пробку тыквенной фляги и отпил прохладной воды, смешанной с кислым соком. Караванщик умел сохранять жидкость холодной в специальном ящике, выложенном многослойным войлоком и подбитом толстой тканью. Ледяная вода из колодца и сок из холодных погребов отправлялись прямо в ящик, чтобы весь день караванщик и его супруга могли наслаждаться холодным питьем.

Илар с усмешкой думал: если бы караванщик знал, кого он везет... интересно, что бы он сделал?

Все время, что Илар путешествовал с караваном, он пытался исследовать доставшееся ему колдовское умение. Вернее – неумение. И получалось пока что плохо. Все, что Илар сумел за это время выяснить, это то, что заклинания, которые он использует, действуют абсолютно непредсказуемо.

Например, заклинание заморозки, бывшее некогда заклинанием кипячения, то наглухо замораживает некий объем воды, например, содержимое кружки, то лишь слегка охлаждает

его. И как подействует то или иное заклинание, угадать невозможно. Вот только что замораживало и вдруг перестает замораживать. Раз пробует, два, три – ничего, на четвертый раз снова заморозка работает. А с заклинанием окраски? То оно окрасит в зеленый цвет, то в красный, то вообще выбелит добела, до цвета свежеснеженного снега!

Илар голову сломал, соображая, почему так получается, – ну все перебрал, от травмы головы до... в общем, вспомнил он слова старой колдуньи, утверждавшей, что Илар и магия несовместимы. И что его мозг глотает магию, сопротивляется ей, портит заклинания. Может, такова его природа? Так Илара создали боги?

Версия не самая плохая, и в нее укладывалось то, что Илар увидел за время своих попыток колдовать. Заклинания не действуют, а если действуют – совершенно иначе, чем должны бы, и, если подействовали, сила заклинания может опуститься ниже подошвы или взлететь выше горы.

Илар ни разу не использовал заклинание одушевления. Во-первых, он знал, что подобные заклинания могут использовать только черные колдуны. Это сродни одушевлению мертвых тел – особо сильные черные колдуны могут поднимать мертвые тела, на время вселяя в их хозяина тела.

Илар читал об этом в книге, которая называлась «История магии от древности до наших дней», под авторством Сигура Синисского, магистра магических наук. Этот самый Сигур утверждал, что в одушевлении мертвых тел нет ничего особо сложного, вот только уровень черного мага, производящего данное деяние, должен быть довольно высоким. Сложность заключалась в том, что мертвец, в которого вернулась душа, обязательно нападал на колдуна, призвавшего душу из Подземного Мира. Или с Небес – если душа попала на Небеса.

Почему нападал? Да кто знает... расспросить мертвеца не смог еще никто; они или убивали волшебника, который его оживил, либо тот вовремя сбегал, либо этого мертвеца разрубали на части, которые уже не могли добраться до своего «благодетеля» и лишь беспомощно извивались на земле. Никто не нашел заклинания, подчиняющего этого самого мертвеца.

Кроме Илара, наверное? Он не был в этом уверен: как узнать, умеет он оживлять мертвецов или нет? Единственный раз, когда Илар одушевлял, он одушевил заведомо неживой предмет – ванну. Безумная ванна, которую он подчинил себе в номере гостиницы, не могла ему ничего сказать, а мертвеца, которого можно поднять заклинанием, Илар пока не имел. И слава богам! Ему очень не хотелось оказаться рядом с мертвецами... Пока путешествие протекало размеренно, благополучно до скуки, без трупов и мертвецов – и хотелось, чтобы так же «скучно» было и дальше.

Кстати сказать, в книгах описывались черные колдуны, которые умели поднимать мертвых, разговаривать с ними и даже управлять покойниками, как Илар управлял живой ванной. Так что, скорее всего, трактат о магии врал, намеренно или по неведению – этого теперь уже не узнать. Автор трактата жил пятьсот лет назад, так что спросить у него будет проблематично.

Поразмыслив над природой магии, над своей несчастной – или счастливой?! – судьбой, Илар решил осмотреть далир и настроить для игры. Достал инструмент из чехла, огладил по крутым бокам, тронул струны... и вдруг у него стала складываться песня – новая, не похожая ни на одну из тех, что Илар слышал раньше.

Это была песня про молодого воина, полюбившего особу королевской крови, девушку необычайной красоты. Они тайно встречались жаркими ночами, и скоро все заметили, что с девушкой неладно, и... воину пришлось бежать, чтобы спасти свою жизнь от кары, а девицу выслали из дворца и заключили в башню, где она и страдала, глядя на луну.

В положенный срок родился ребенок – сын этого самого воина, прекрасный малыш с золотыми волосами. Девушка назвала сына именем своего возлюбленного и все ждала, когда воин прискачет на вороном коне и заберет ее, унесет далеко-далеко, туда, где они будут счастливы.

Но война все не было, а красавица старела. Старела, тосковала, пока не умерла от тоски. А умирая, дала юноше кольцо и сказала, что это подарок его отца, и, когда юноша встретит папашу, покажет кольцо – тот признает его сыном.

Тюремщики похоронили девицу, а юношу выгнали прочь без гроша в кармане. Но он был сильным, ловким и, когда однажды на дороге на него напали разбойники, убил их голыми руками, забрал оружие, награбленные бандой сокровища, стал воином, а потом пошел в дальние края, где прославился своей силой, жестокостью и воинскими умениями. Его уважали, боялись, и по прошествии времени юноша набрал войско, отправившись мстить тем, кто замутил его мать, и тем, кто отправил ее в изгнание.

Мстителя встретило войско во главе с могучим воином, который предложил ему поединок. Конечно, юноша не мог отказаться. Они долго бились, и юноша сразил своего соперника. А когда наклонился над ним, умирающим, воин случайно увидел кольцо на руке соперника и признал в нем своего сына.

Юноша понял, что убил своего отца, заревел, как зверь, и кинулся на войско врага, за ним его соратники, они уничтожили противника, затем пошли войной на город, который стал источником бед матери, и снесли его с лица земли, убив всех жителей, в том числе родителей его матери.

Но юноша не смог жить после страшного деяния, пошел на высокую скалу, нависшую над берегом моря, и бросился с нее на скалы, где «благополучно» свернул себе шею, сломал ребра, разбил череп, – Илар методично перечислил все повреждения несчастного юноши, чтобы усилить эффект трагедии. Народ в трактире, да и вообще народ, очень любит кровавые подробности. Не менее чем в половине баллад, отображавших трагедии, раны, полученные героями, расписывать в деталях: «И схватил солнцеподобный Иллир огромный булыжник, и метнул его в нечестивого Исура! И попал булыжник прямо в лоб негодяю! Брызнула кровь! Вылезли глаза подлеца! Зубы посыпались белым дождем, гроыхая, как громы! Желтые грязные мозги разлетелись по округе, распространяя зловоние мерзких мыслей проклятого колдуна! Никогда больше он не будет варить зелье из младенцев – кончились его подлые деяния!»

Обычно на описании страшных повреждений зрители топотали, завывали, хлопали в ладоши и ужасно радовались, будто это они зверски расчленили несчастного поверженного негодяя.

Илар думал, и не раз, отчего люди так радуются этому? Что хорошего в таком зверстве? И приходил к выводу, что, во-первых, в каждом человеке заложена частичка хорошего, и они радуются, когда зло все-таки повержено. Во-вторых, им приятно, что такие разрушения случились не с ними, каждый прикидывает на себя, чувствуя за собой грешки, – а с каким-то придурком, по своей глупости давшим себя убить. Ведь они-то умнее, с ними никогда такого не случится! И слушать, что кто-то оказался глупее и неудачливее, очень приятно.

Впрочем, Илар допускал, что часть из слушателей, радостно хлопающих в ладоши при описании убийств, просто маньяки-убийцы, которым приятны кровь и разрушения. Но это уже другой вопрос.

Главное, Илар умеет играть на нотах человеческих слабостей, и, если люди это и понимают, им нравится, что музыкант потакает их страстям, потому они восторженно воспринимают его усилия.

Многое зависит от исполнителя. Хорошо музицировать – это не просто дергать за струны, издавая мелодичные звуки, нет, надо попасть в такт душе, раскачать ее, вызвать отклик, эхо, а если исполнитель умеет еще и голосом передать настрой, эмоции, – тогда толпа слушателей неистовствует, носит артиста на руках и... дает ему денег на лепешку с маслом, а еще на много приятных, облегчающих жизнь комедианта вещей – хорошую одежду, хорошую обувь, хороших породистых лошадей и породистых женщин.

Илар умел достучаться к душам слушателей, первое же выступление раскрыло его талант в полной мере.

Вот и сейчас, когда сочинял абсолютно новую песню-балладу, что он сделал? Взял некую историю, приладил к ней свое видение событий, для вкуса добавил душещипательных описаний, переживаний, яркое, живое развитие событий, пусть даже глупое и фантастичное, – в конце концов, не научный же трактат сочиняется, а баллада. И завершил историю трагедией. Кстати, не факт, что трагедия останется – историю можно рассказать и в другом варианте: как они с отцом обнимаются, затем побеждают всех обидчиков. Народ в обоих случаях плачет и кидает монеты. Всем хорошо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.